

Демо-версия психологической драмы

Второе издание:760AC5G753FB-demo-pdf

Parroslab Group © 2023
All Rights Reserved

Для обложки использована картина Фабиана Переса (Fabian Perez) "Man In Black Suit".

«...никого не интересует, что послужило поводом для совершения добра, даже, если и совершал его человек, проклиная всех и вся... Главное, он совершил добро, главное, помог кому-то. А если всё наоборот? Если человек отказывается совершать добро?.. Интересует ли кого - почему? В чём причина этого нежелания, бездушности, нехотения?... Люди безразличны к мотивам, толкающим людей к совершению тех или иных поступков: человека интересует только одно - результат, конечный результат... И им совершенно наплевать, что творится в душе того, кто отказывается совершать добро»...

Сегодня паршивый день, на душе скребут кошки, а в голове мысли, словно чьи-то щупальцы, появляясь, делают больно – невыносимо больно. Я вернулся с кладбища всего три часа назад и стараюсь, хоть как-то, прийти в себя, если, это вообще возможно... Сейчас я нахожусь в том состоянии, которое можно без излишних словесных выкрутасов назвать одним единственным словом – ад. Состояние душевного ада, когда невыносимые муки загрызают заживо изнутри и никакие материальные блага не в состоянии изменить хоть что-либо в этом внутреннем кошмаре, в этом убийственном самопоедании с непокидающим чувством собственной и, к сожалению, непоправимой вины...

Всё кончено, всё позади... Я наказан жизнью и осознаю её тягостность для меня после всего пережитого. Я переживаю жизненный ад вместо посмертного, хотя от этого мне не легче, и вряд ли то состояние, которое я испытываю сейчас было бы под силу хоть кому-нибудь... Ведь внутренний ад в том-то и заключается, что на него ты обрекаешь себя сам... А страшнее мук самоосуждения вряд ли может что-то существовать... Хотя, кто знает... кто знает...

Мне тридцать три... я сижу в комнате, утопающей в роскоши, и под шум осеннего дождя и завыванья ветра, исповедуюсь куску безмолвной материи. Пусть так! Пусть на бумаге моя исповедь. Пусть впечатываются в неё все грехи мои и страдания, мысли мои и желания, боль моя... и муки мои... Пусть станет она жертвой моих поступков, пусть выслушает, примет на себя всю тяжесть их... Ведь нет другого выхода, и нет никого рядом - ни близких, ни знакомых, ни друзей... Я одинок... безумно одинок... и остаётся мне, закрывшись от людей и света в захламленной ненужной роскошью квартире, с давящей болью выводить по буквам, то, что привело меня к прозрению...

Итак, мне тридцать три... И только сейчас я понимаю особенность этого возраста. Словно невидимая черта, как острое ножа разрежала на до и после мою целостную и удачную жизнь... То, что было «до» отторгнулось навсегда, и тот мужчина, который был ещё недавно, пожалуй был уже не мною. Это было моё физическое подобие с пустыми меркантильными суждениями, и с огромным, я бы даже сказал, с безграничным внутренним изъяном – я был душевно глух, и духовно слеп. Полнейшая внутренняя

вседозволенность и безнаказанность полностью изуродовали моё нутро. И кажется, что всё произошедшее со мной, все те муки и страдания, которые выпали на мою долю, хотя, и выглядели, как заслуженное наказание за собственные же ошибки, на самом деле, как бы ни странно это прозвучало, были единственно возможным для меня спасением...

Моё наказание и спасение началось в тёплый сентябрьский полдень, когда выйдя из дома чуть раньше времени, я решил прогуляться по парку, находившемуся напротив моего дома. В эту осеннюю пору он был особенно красив и притягателен, я бы даже сказал, роскошен. Осень агонизировала своей многоцветностью и озаряла мягким спокойным солнцем, парк, который, словно, дремал, время от времени вздрагивая своим буйственным покровом. Что-то было в нем неправдоподобное в тот день, мистическое. В этой кажущейся полудрёме и спокойствии, мною овладела опьяняющая радость последним жизненным дыханием.

Я любил эти осенние дни – ни с чем не сравнимые, и прекрасные. Тёплый пахучий воздух дурманил собой пространство. Всё ублажало душу и располагало ко внутреннему умиротворению. Топая по парковым дорожкам, я почему-то задумался о жизни, хотя, откровенно говоря, это было совершенно не в моих правилах. Будучи везучим человеком, я не задумывался над тем, за какие заслуги вознаграждён. Я просто жил и пользовался благами жизни по мере их поступления в мою насыщенную событиями жизнь. Везучесть моя была поразительной и бросалась в глаза всем. «Ты родился в рубашке, - говорили друзья, - словно кто-то слышит твой голос, подавая всё, что тебе не заблагорассудится».

Это действительно было так... Я получал всё, что хотел... А хотел я всего, чего невозможно хотеть человеку... машина, деньги, дом, квартира, дачи, коллекция картин и чудесный сад, которым я гордился больше, чем остальным, что было у меня. Деньги зарабатывались с лёгкостью и давали возможность реализовать все свои желания. И мне не приходилось мечтать о материальных благах и, тем более, задумываться о хлебе насущном...

Но вот женщины!!! Да, да, женщины - красивые и женственные, загадочные и томные, таинственные и нежные, строптивые и податливые - были моей единственной слабостью и пределом жизненных мечтаний. Они сводили меня с ума, доставляли море удовольствий и, доводя до плотского экстаза, делали меня «счастливым». Я очень придирчиво их подбирал: рост, объём груди, цвет кожи, качество волос, ногти, глаза и губы. И только

те, которые по всем параметрам мне подходили, допускались ко второму туру, где главное уже не внешность – яркая и броская, а кое-что другое, на что не каждая из них могла пойти, не каждая могла позволить, а именно – быть легкомысленной податливой игрушкой в моих руках, причём на короткий срок, который также диктовался мною... Зато те, которые на это соглашались, одаривались мною не только подарками и прельщающим их тряпьем, но и чем-то большим – моим особенно трогательным отношением к ним, как ко временной, но любимой забаве...

В тот день, прогуливаясь по парку, я ожидал свою новую «малышку», с которой познакомился недавно и был легко и нежно увлечён. Моя высокая роскошная блондинка должна была подъехать через каких-то полчаса, хотя уже с утра я был готов к её приходу: свежая душистая постель, цветы, шампанское, белый шоколад и фрукты ожидали временную богиню, я же с нетерпением сжимал в руках свой первый маленький подарок – золотую брошь в виде бабочки однодневки, олицетворяющую мимолётность моих сильных, но коротких чувственных порывов.

Моё новое увлечение было без единого телесного изъяна, отточенность форм сводила меня с ума, чувственные губы заставляли мгновенно капитулировать и, откровенно говоря, даже было немного жаль, что полнейшее отсутствие какой-либо привязанности делало неизбежным скорое расставание.

Помню, как желал я этой встречи, как предвкушал её желанное появление и, как почти на осязаемом уровне улавливал запах её пьянящих и мгновенно исступляющих духов. Никому из женщин моей жизни, не соответствовал так запах, как моей блондинке, которая вот-вот должна была вознаградить меня своим приходом. Я был счастлив и, казалось, моему счастью не будет конца...

Я бросил взгляд на часы, и убедился, что располагаю достаточным временем, чтобы ещё немного прогуляться и впитать в себя любимый шорох первой опавшей листвы. Я знал здесь каждый кустик, деревце, травинку... Любя их, я, несомненно, что-то получал взамен... Это что-то трудно поддавалось объяснению, но временами я не мог отделаться от чувства, что они – деревья, радуются мне не меньше, чем я им сам. Моё трогательное отношение к ним было, как мне кажется, взаимным.

Не насладившись в полной мере интимностью моего любимого паркового закутка, я почему-то резко свернул на центральную аллею, которую совсем не любил: шумная детвора и вечная многолюдность диссонировали внутреннему желанию покоя и побега из хаотичной и аритмичной жизни. «Надо же, - блеснуло в голове, - кто-то за меня решил, куда мне путь держать...»

Не успел я так подумать, как резко подвернул ногу и чуть не распластался на мягкой земле. Сознание помутнело от острой пронзительной боли. Скрючившись в нелепой позе, я осмотрелся вокруг и, заметив неподалёку скамейку, неловко заковылял к ней, стискивая зубы от боли.

Я с облегчением уселся на скамью, и принялся озабоченно ощупывать ногу, пытаюсь угадать насколько серьёзен вывих. Слава Богу, похоже, обошлось. Боль утихла, оставив по себе нездоровую печать возбуждения. Аллея, которую я невзлюбил, отторгла меня точно также, как и я её когда-то. «Надо же, как она меня... - возбуждённо подумал я тогда, - хорошо, что никто не видел...»

Вдруг слово «никто» меня покорило, показалось неуместным и несоответствующим ситуации. Повернув голову, я увидел на другом конце скамьи странное создание, которое одним своим видом ввергало в непонятное замешательство. С первого взгляда невозможно было определить кто она - то ли, старуха, то ли, девица, то ли, высохла прежде времени, то ли, молодится, как может. Странно, но та, что сидела рядом, подходила под любой возраст или, скорее, наоборот, - у Неё, словно, вообще не было возраста. И показалось мне, что сделана Она из воска и каким-то образом случайно оживлена. Причём тот, кто оживил, напялил на Неё первое попавшее под руки тряпье, даже не задумавшись над тем, носят ли что-либо подобное сейчас или нет. Какое жуткое безразличие к ближнему! Какое наплевательское отношение к окружающим! Моё возмущение выпирало наружу и заставляло всё более и более всматриваться в это странное, полумёртвое создание, которое и воспринимать нельзя было иначе, чем результат сумасшедшего эксперимента, чей-то абсурдной идеи, а может и, сделки с самой тьмой. Отсутствие каких-либо движений, признаков жизни... Но нет, признаки всё же были, вернее, один признак - и неоспоримый - это ровное спокойное дыхание, выдававшее в ней жизнь. Я продолжал рассматривать это

странное создание, стараясь найти в Ней хоть какие-то внешние признаки жизни, кроме дыхания, но увы, их не было - абсолютное отсутствие движений превращали её в дышащее чучело, неуместно перенесенное в парк из деревенского огорода... Маленькие миндалевидные глаза смотрели куда-то вдаль, в незримую и недосягаемую для меня точку, при этом, сохраняя ту же неподвижность, что и всё лицо, тело и, что поразительнее всего, руки. Мне почему-то стало немного не по себе, даже появился мгновенный, откуда-то выскочивший страх, беспочвенный и необъяснимый. Беспокойство вонзилось в душу и стало терзать. Найти причину этому мне было сложно, очень сложно - я не мог понять, что меня испугало. Вернее, кто? Неужели я испугался Той, которая сидит рядом? Не смешно ли это? Нет, причина страха была в чём-то другом... ещё неподвластном моему пониманию, но находящимся глубоко во мне... я это чувствовал и понимал, что то, что происходит со мной сейчас совершенно не случайно... Будто коснулись ахиллесовой пяты, а может зоны, некой запретной зоны восприятия... я старался понять, подвергнуть, хоть, какому-то анализу своё состояние, но увы, у меня ничего не получалось... С усилием изгнав из себя страх и беспокойство, я попытался успокоить себя тем, что это всего лишь моя острая реакция на женщин, не умеющих за собой следить. Но оторваться уже не мог и продолжал сверлить взглядом свою находку, которую окрестил про себя живым отвратительным чучелом.

Больше всего в жизни меня раздражали женщины, не умеющие за собой следить, женщины безвкусные и безразличные к себе, бесполое, безжизненные и ненужные. Да, да, ненужные... И не в деньгах тут дело, и не в недостатке... Женственность за деньги не купишь, безжизненность не оживишь. Женственность - это пульсация, дыхание, огонь, и если её нет, женщина мертва, безжизненна, безвкусна... Я возмущался при виде таких женщин, негодовал и внутренне протестовал... Однако, удивительное дело, отвратительное чучело не вызвало во мне подобных чувств. Я был настолько поражён, что не отреагировал никак. Сознание отказалось воспринимать увиденное. Все женщины, которых я встречал в жизни и причислял к бесполом воинам жизни, были оправданы мгновенно, одним только её появлением. Они были прощены и восстановлены в своём праве называться женщинами. Вот он, бесполой воин жизни, претендующий на все её блага, как и каждый другой: на сытость, удовлетворение, чувства... а

может, даже, и счастье... Неужели она на что-то надеется? О чём-то мечтает? Это странное создание... серое, безликое, словно, несуществующее вообще... ведь гормоны играют у всех... и любое женское тело требует мужского прикосновения... Чем живёт это чучело? Какие мысли рождаются в её голове? Ведь, думает она о чём-нибудь? Но о чём? Я вдруг поймал себя на мысли, что, сложились обстоятельства нашей встречи иначе, я не заметил бы её вообще, точнее не увидел бы, поскольку в ней присутствовала поразительная черта, которую до сих пор я не встречал, пожалуй, ни у кого – этой чертой или, вернее сказать – особенностью, являлась Её серость, и серость эта, словно, граничила с невидимостью. Она, будто, была и не была, жила и не жила, пребывая в откуда-то появившемся безвременьи и иллюзорной незримости. И, показалось мне ещё, что именно она, словно вылепленная из воска, олицетворяла собой образ безличия, маленький элементик огромной серой толпы. И помню, как блеснуло в голове, - не будь Её, с миром, пожалуй, ничего бы не случилось, даже, скорее, наоборот, он выглядел бы лучше. И ещё одна жуткая мысль прожгла меня в тот день - в наказание кому Она рождена на этот свет? Себе? Родителям? Или... Не найдя ничего удачного в словесном арсенале, я быстро отбросил эту мысль, как неудавшуюся и продолжил изучать её дальше. Я смотрел на безжизненное, но, вместе с тем, живое тело и старался представить её скучную и одинокую жизнь внутри кипящего наслаждениями жизни огромного вселенского котла. В голове вдруг появилась мысль и распласталась по всему сознанию: «У Неё никогда не было мужчин! Да и возможно ли это, чтобы кто-то мог на неё польститься?!»

Я внимательно продолжал изучать свою жертву, которая всё более и более выводила меня из себя. - Да, у Неё никогда не было мужчин... - продолжал я свои размышления, - и быть не могло! Кем нужно быть, чтобы на Неё польститься... Нет, нет... что за глупые мысли лезут в голову? Как разыгралось моё воображение, что выдало нечто подобное... Я не спускал с Неё глаз, стараясь уловить и зафиксировать, хоть, малейшее движение, минимальную реакцию с её стороны на окружающий мир. Но, увы. Всё было тщетно. За всё время, пока я сидел рядом, Она ни разу не шевельнулась. В голову продолжали лезть различные мысли, пытавшие прояснить это чудо природы. Может полоумная? Может глухонемая? Может...

Но всё было не то... всё не то... но, что же в таком случае? Что? Всесторонне исследуя свою жертву, я старался не пропустить ни одной детали, которая могла дать разгадку столь странного её поведения и способа бытия. Почти плоская и потому невидимая грудь, покатые опущенные плечи и коротенькая, словно, несуществующая шея, создавали впечатление полнейшей плотской атрофированности. А тонкие бесформенные ноги, казавшиеся неудачной пародией, насколько возможно были прикрыты мешкообразной синей юбкой, на которую спадал такой же мешковатый, неровно связанный коричневый джемпер в грязнозелёную крапинку. Но особенно меня поразили допотопные башмаки – да-да, именно, башмаки, Бог весть какой давности, совсем истоптанные и бесцветные, да ещё, как минимум, на два размера больше, чем требовали Её малюсенькие ножки. Единственное, что, пожалуй, могло Её украсить, это волосы – чёрные, густые, с легкой волной. Однако, даже этой привилегии не дано было сыграть в Её внешности надлежащей роли, поскольку были собраны в непонятный небрежный пучок, делающий её, ещё более уродливой и отталкивающей. Всмотриваясь в черты лица, я не увидел ничего, поймав себя на мысли, что спроси меня кто, как Она выглядит, вряд ли я смог бы описать Её. В серости этого создания я не видел ничего, как ничего нельзя увидеть в темноте. «Как же Она живёт? Чем дышит? Мечтает ли о чём? Какие мысли посещают Её сейчас? К Ней подсел мужчина, а Она ни разу не повернулась, не посмотрела, словно пренебрегает всем, кроме себя... Да, да, есть такой тип серых высокомерных женщин, хотя, о чём это я - женщиной-то Её никак не назовёшь. Представить страшно Её женщиной...»

Меня вновь передёрнуло. Я мысленно представил Её рядом со своей блондинкой и поразился собственной же глупой выдумке – сопоставить несопоставимое, представить непредставляемое – красоту, соседствующую с серой безликостью, яркий свет с тускло светящейся лампадой. Однако, мысль о красавице спасла меня, словно, вытащила из безысходно давящего пространства Её серого и, как мне показалось, пустого бытия. Сразу стало легче и мгновенная радость охватила всё моё нутро от одной только мысли, что эта, похожая на восковую фигуру безликая посредственность, исчезнет из моей жизни навсегда и я, забыв Её, вновь стану наслаждаться всеми благами прекрасной и столь любимой мною жизни. Я облегчённо вздохнул... Мир показался мне по-прежнему прекрасным, и только Она

своим присутствием явно диссонировала с окружением. Мои мысли, словно, зациклились на ней, заставляя всё более углубляться: «Неужели Она не чувствует своего убожества? - Внутренний протест против Неё, словно взвинчивал меня, раздражал, делал агрессивным и нетерпеливым. - А может, высокомерие Её всего лишь ширма, спасательное укрепление между Нею и миром?! Ведь, Она, скорее, смахивает на закомплексованное, забитое жизненными неудачами несчастное существо. Достаточно только посмотреть на Неё, чтобы понять, что нет в Её жизни радостей, да и, возможна ли радость с Нею? Кто на Её польстится? Разве что, какой-нибудь полоумный, разбирающийся в женщинах не более, чем на уровне разделения полов? Как это страшно... А если приоткрыть ей глаза на правду? Объяснить, как нужно за собой следить, чтобы, хоть, кому-нибудь понравиться, ведь, человек же Она, живой человек, из такой же плоти и крови, как я, как мы все. Неужели ни о чём не мечтает, и нет у Неё тайных желаний? Неужели не хочется мужика, в конце-то концов?! Вот подсел к Ней и глаз с Неё не спускаю... О чём Она сейчас думает? Неужели о том, что понравилась мне, раз сел рядом и зырю на Неё, как последний дурак?! Да, однако же, выдался денёк...»

Я нервничал. Гнев распирает мне душу и не давал покоя. Казалось, всё внутри противится Её существованию. От радостного предвкушения предстоящей встречи с блондинкой не осталось и следа. Присутствие этого существа давило и мучило меня. Я посмотрел на часы - оставалось ещё минут десять... Вдруг совершенно неожиданно для себя я задал Ей вопрос... Вопрос, вырвавшийся изнутри, словно, был не моим, а появился непонятно откуда, но, все же, был задан, именно, мной и до сих пор не могу понять, зачем я это сделал, и что подтолкнуло меня к этому? Ведь, состоявшаяся между нами глупая беседа была проведена в несвойственной мне манере... Как же это могло произойти?! И что заставило меня задавать столь глупые и унижающие человеческое достоинство вопросы?! К сожалению ли, к стыду ли моему - не знаю. Но знаю другое, что присутствие Её необъяснимым образом раздражало и нервировало меня, и что ни при каких обстоятельствах раньше мне не приходилось вести подобную абсурдную беседу и, возможно, именно абсурдность состоявшегося диалога позволила мне запомнить его почти дословно... А тогда... тогда, устроившись на скамье поудобней, я задал Ей первый пришедший мне на ум вопрос.

- Кто ты?
- Я?
- Да, ты...
- Человек.
- Я это вижу.
- А что ещё?
- Откуда ты?
- Зачем ты спрашиваешь?
- Говорили ли тебе мужчины, что ты красивая?
- Нет, ты первый...
- Сколько тебе лет?
- Мне?
- Да, тебе.
- А зачем это?
- Уже хорошо!
- Что хорошо?
- В тебе ещё не успела умереть женщина!
- С чего ты взял?
- Стараешься скрыть возраст...
- Я... я тут просто отдыхаю... Мне не хотелось...
- Глупышка, в этом ничего стыдного, ведь, здесь не дом терпимости, а парк, и каждый вправе его посещать, да и, отдыхать тоже...
- Я понимаю, но это не для меня...
- У тебя красивые глаза...
- Просто голова сегодня разболелась... Обычно, я сюда не прихожу...
- Слушай, а у тебя мужчины были в жизни?
- Как это были?
- Ну, ты девица или нет?
- Я же сказала, что случайно сегодня здесь...
- А ты хочешь познать мужчину?
- Это в каком смысле?
- Ты хочешь стать женщиной?
- Я Ею родилась...
- Ты любила кого-нибудь в жизни?
- Да.
- Кого?

- Родителей своих...
- Слушай, ты что?
- А что тебя смущает?
- Да, это... глупо, как-то.
- Любить родителей не глупо.
- С тобой свихнуться можно...
- Почему ты ко мне подсел?
- Глаза твои мне понравились!
- Ну и что?
- Ничего...
- А дальше?
- Ты хочешь, чтобы было дальше?
- Мне стало сейчас хорошо...
- Ну и что из этого?
- Ничего, просто ты мне сделал приятно...
- Дотрагивался ли до тебя мужчина?
- А что это меняет?
- Я хочу знать, было ли тебе по-настоящему хорошо?
- Мне сейчас по-настоящему хорошо...
- Как это? От простого разговора?
- Это не простой разговор.
- Почему ты всё время смотришь в одну точку? Ты не хочешь посмотреть на меня?
- Это ничего не изменит...
- А может, я не в твоём вкусе...
- Я не испытываю гастрономического подхода к людям...
- А какой подход ты испытываешь?
- Человеческий...
- Раз тебе стало со мной хорошо, это что... означает, что я хороший?
- Наверное, хотя... Не обязательно.
- А что обязательно?
- Этого никто не знает.
- Всё же, странная ты какая-то...
- Не думаю, я обыкновенная...
- Слушай, а сколько тебе лет?
- Ты уже об этом спрашивал...

- Но ты же ни черта мне не ответила!
  - Ты похвалил меня за это...
  - Я?!
  - Да. Ты сказал, что во мне не успела умереть женщина.
  - В тебе – женщина?!
  - Да, это твои слова.
  - Слушай, ты издеваешься надо мной? Или над собой?
  - Я ни над кем не издеваюсь. Я не умею этого делать.
  - Значит, ты говоришь серьезно?
  - Да...
  - И тебе нравится?
  - Что?
  - Ну это... как его... быть женщиной...
  - Да, и сегодня больше, чем когда-либо.
  - Но ты когда-нибудь смотрела на себя в зеркало?
  - Почему ты спрашиваешь?
  - Да потому, что ты похожа на чучело гороховое!
  - Значит, ты меня обманул?
  - Когда?
  - Когда сказал, что у меня красивые глаза...
  - Слушай, у меня здесь назначено Свидание...
  - Ну и что?
  - А ты не понимаешь?
  - Нет.
  - Надо было скоротать время!
  - А ты знаешь, что значит скоротать?
  - Скоротать – это и есть скоротать, безо всяких философских подтекстов...
  - Скоротать, означает наполнить чем-то пустоту...
  - Ну и что? Что это меняет?
  - А то, что нельзя наполнять пустоту чем попало.
  - А почему бы и нет? Даже если и самой пустотой...
  - Но ведь, я же не пуста... Ты наполнил свою пустоту сегодня мной!
- Думаю, это хорошо. Ведь, человек не должен ощущать внутри себя пустоту. Можно считать, тебе сегодня повезло...

- Да уж, пожалуй, в этом ты права - мне сейчас действительно повезло. Смотри... вон... видишь? Там у перекрёстка...

- Ну...

- Вон та, в жёлтом платье... видишь? Вон она... вон... переходит улицу! Ты посмотри, какая она чудесная! Ты только посмотри... Ты видишь, скажи мне, видишь, какая она?

- Ну...

- Что ну? Сколько можно нукать? Ты лучше посмотри на неё внимательней: какие ножки, какая грудь, представляю, какая она в постели! Так вот знай – это она наполнит сегодня мою пустоту! Тебе понятно? Или хочешь ещё парочку объяснений? Хотя, о чём это я? О каких объяснениях речь... Тебе что толкуй, что не толкуй - всё одно и то же. Ладно, всё...

- Ты уходишь?

- Да!

- Значит, ты обманул меня?

- Я скоротал время.

- Ты всё же наполнил мною пустоту.

- Нет, я... Да что с тобой говорить! Как с тобой говорить?!

- Не как, а так, как есть: что ты наполнил мною свою пустоту. Ведь я же это чувствую...

- Слушай, как же ты мне надоела!

- Я не держу тебя...

- Дура ты деревенская, вот ты кто!

- Я не обижаюсь.

- Ах, не обижаешься? И почему ты не обижаешься? Я же оскорбил тебя!

- Ты оскорбил себя.

- Нет! Это переходит все границы! Слушай, Божья Ты овечка! Почему ты вся такая серая? И что за барахло на тебе висит? У тебя что, глаз нет? Не видишь, в каком виде выходишь из дому? И что же? Надеешься своим жалким видом понравиться кому-нибудь? Да? Действительно надеешься? Хотя, о чём я? Ты ведь была уверена, что обворожила меня, не так ли? Ну, скажи! Разве ты не была в этом уверена?.. Подсел к тебе мужчина и глаз с тебя не сводит: ведь забилося... забилося сердечко, я знаю, да и в голове застучало на радостях, мол, наконец, и я дождалась своего часа, вот он,

ради кого я родилась, жила, цвела!.. Только вот что я тебе скажу, цветочек ненаглядный... не обессудь... не удалась ты, к сожалению, не удалась!.. И больше смахиваешь на сорняк, на ненужный сорняк, ты понимаешь, о чём я говорю?.. Молчишь... Да ладно, Бог с тобой. Слушай, я уже ухожу, но мой тебе совет, если хочешь, чтобы тебе действительно было хорошо, и не только от дурацкого разговора, чтобы хоть один мужик позарился на тебя, чтобы хоть кто-то, посмотрев тебе в глаза... Да, можешь ты, наконец, хоть, сейчас повернуться ко мне?! Что ты нос от меня воротишь? Я же с тобой разговариваю! Или, может, оглохла от счастья?

- Ты кого-нибудь любишь?

- Ах, как она заговорила! Девичьи сантименты! Не успеешь сказать «здравствуй», как вас о любви спрашивают! Так вот, слушай меня внимательно, как там тебя... впрочем, это неважно, вон та, которая ждёт меня... ты смотри... смотри на неё, это тебе только на пользу пойдёт... смотри, как она прекрасна! Как чудесно сложена! Как со вкусом одета! Видишь, да? Не правда ли, с неё только портреты писать?! Так вот, знай - я даже её не люблю. Нет для меня любви вне тела. Я люблю её тело, ты понимаешь? Люблю её грудь, ноги, шею, талию, потому что они в моём вкусе, потому что они возбуждают меня. А знаешь, как я её называю? Знаешь?

- Нет, и знать не хочу.

- Хочу, не хочу! Ты узнаешь это, чтобы вынести из этой жизни горькие уроки собственного поражения, как несостоявшейся женщины. Я её называю малышкой, потому что это слово во мне ассоциируется со словом игрушка. Я их всех так называю - малышками, потому что завтра, когда мне надоеет запах её тела или линия груди, я выброшу её из своей жизни, как выбрасывал когда-то старые и успевшие мне поднадоесть игрушки...

- Хватит! Тебя ждут! Неприлично заставляя ждать, даже если не любишь...

- Странная ты какая-то. Может, тебе зеркало подарить? Хотя, что это изменит, ведь, лучше ты от зеркала не станешь... Посмотри внимательней вокруг себя! Видишь, как много зелени кругом, цветов, хотя и, увядающих, как много жизни вокруг и этой твоей любви, которую я никак не признаю. Ты пойми, любовь, если она действительно существует, где-то рядом с

красотой и, чтобы зажечь её в ком-то, надо быть, если не красивой, то, хотя бы, привлекательной. А ты...

- Ты заставляешь себя ждать...

- Какое тебе дело до этого?

- Это неприлично.

- Ладно, пожалуй, ты права... Я пошёл... Ах, да... Я даже не знаю, как тебя зовут, впрочем, это неважно, но по твоим словам я понял, что тебе со мною было хорошо...

- До свидания.

- Не перебивай.

- До свидания.

- Не говоришь мне «прощай»? Значит, надеешься на встречу? Бедняжка... У тебя даже нет чувства собственного достоинства. Я тебя унижал как мог, оскорблял, издевался над тобой, а ты продолжаешь на что-то надеяться. Мне тебя искренне жаль. Хотя, кто знает: недаром говорят, что надежда умирает последней. Может, тебе повезёт, и ты околдуюшь меня своими чарами, а? Вот смеху-то будет... Слушай, а, может попробуешь, чем чёрт не шутит, вдруг у тебя получится и ты завоюешь моё сердце, ведь тебе всё равно рассчитывать больше не на кого, а тут такой шанс – мужчина сам предлагает завоевать его сердце, а? Я понимаю, тебе трудно сразу решиться, ведь, ты не ожидала, не правда ли? Такая возможность, я бы сказал, неожиданная возможность очаровать кого-то, свести с ума, наконец, влюбить в себя, а ты, ах, какая жалость, как назло, не при параде, выскочила из дому Бог знает в каком виде. Я понимаю, прекрасно тебя понимаю - это только сегодня! И как только могла плутовка-случайность всё так подстроить?! Ничего, не переживай, у тебя всё впереди. Я тебе вот что скажу - как бы ты не отрицала, но я ведь чувствую - трепещет сейчас твоё сердечко, трепещет. Только как ты можешь на что-то рассчитывать? Неужели действительно веришь в то, что когда-нибудь появится тот, кто создан для тебя, и влюбится он! Слепо! В тебя! Вот в такую?! Нет, скажи мне, ты действительно в это веришь, неудавшееся создание?! Может, поэтому считаешь излишним следить за собой? Мол, для кого я уготовлена, тот ни на что внимания не обратит?! Треснет его Амур по голове, и дело с концом... Но пойми, так не бывает. Жизнь - это не роман. На то и пишутся романы, чтобы приукрасить жизнь, в которой на самом деле никто на тебя не польстится, пойми... Это невозможно, даже противоестественно! Как ты

одета? Что за старческий узел на голове? Ведь, ты же не старуха, а вся скрючилась, и высохла уже... А знаешь – почему? Потому что тело твоё нуждается в ласке, мужского прикосновения просит оно, страсти, как высохшая земля влаги. Тело твоё жаждет, понимаешь, жаждет. Неудовлетворенные желания пожирают тебя, как червь пожирает плод. Вот почему ты так выглядишь. Не живешь, не стремишься, не тянешься, а наложила на себя руки, смирилась со своей участью, дряхлеешь и высушаешь изо дня в день, пугая собой окружающих. Не думай, что я жесток! Для твоего же блага говорю тебе об этом. Не можешь ты нравиться, понимаешь, не можешь! Если хочешь знать, меня даже претит от тебя! Скорее, на эшафот пойду, чем соглашусь представить тебя в своих объятиях. Нет, ты не женщина, нет. Я не знаю, кто ты, мне даже трудно дать тебе какое-либо определение, но женщиной называться ты не имеешь права – это оскорбительно по отношению к прекрасной половине человечества... Ладно, всё! Наговорил тут я тебе... Но пойми, это правда! Хоть, и жестокая, знаю. Но я человек слова... и раз уж обещал... дам тебе возможность околдовать себя... Хотя, откровенно говоря, гиблое это дело... Но уже обещал... Так что, если пофантазировать и представить, что это тебе удастся... даже смешно, честное слово... тогда... Тогда ты станешь женщиной... Счастливой женщиной... Я тебя одарю собой... И поймёшь ты, наконец, что женщинами не рождаются, ими становятся. И женщина может быть женщиной только тогда, когда рядом с ней мужчина, её мужчина. А любовь, о которой так много говорят, это всего лишь желание быть всё время с человеком, который исключительно удовлетворяет физиологические потребности своего партнёра... Вот и вся философия, которую таит в себе любовь, а всё остальное выдумки... Когда только люди научатся всё называть своими именами, а то такое словоблудие разводят, что тошно становится... Ну ладно... Мне действительно уже пора, а ты... приведи себя в порядок, посоветуйся с подругами, если они, конечно, рангом чуть выше тебя, или же, в конце концов, сама что-нибудь придумай, как соблазнить меня, чтобы потянуло к тебе... чтобы... я захотел тебя... Ладно, я пошёл... Да, вот что ещё, меня можешь видеть по пятницам. Обычно я прогуливаюсь здесь с шести до семи часов, если, конечно, нет проливного дождя или тридцатиградусного мороза.

Даже не попрощавшись, я быстрым шагом направился к выходу, навстречу той, которая уже десять минут ждала меня. Достаточно было

прикоснуться к ней, как я тут-же забыл о своей неожиданной случайной встрече.

Прошла неделя... Она была особенно удачной: удалось неплохо проверить свои дела и прекрасно заработать. Я был доволен, рад и почти счастлив. Однако, несмотря на это, какое-то новое и довольно странное чувство не покидало меня в течение всей недели - а именно, смутное желание быстрее, насколько это возможно, дожить до пятницы. Это желание, появившееся уже в субботу утром, по какой-то необъяснимой причине стало безотчетно подогреваться мною же самим. Мне отчаянно захотелось увидеть это серое существо, похожее на что угодно, только не на женщину. Но почему??? Откуда появилась скрытая, но, всё же, улавливаемая мною радость, что существует это неудавшееся творение природы, и своим существованием даёт возможность мне - сытому, здоровому, везучему ощущать собственное превосходство над этим физическим убожеством? Тогда, в субботу утром, меня разобрала досада, что я не назначил Ей свидание чуть раньше, ну, скажем, в понедельник, или, может, в среду - ведь примчалась бы, словно, на крыльях, - думал я тогда, - примчалась бы, совершенно ошеломлённая невесть откуда свалившейся на Неё столь неожиданной и желанной удачей. Я представлял, с каким биением сердца Она вновь и вновь прокручивает в голове воспоминания о нашей встрече, при этом, несомненно, перебирая свой убогий, тусклый гардероб, чтобы, хоть, на малость, но, всё-же, выглядеть иначе, чем в день нашего знакомства. И ещё представлялось мне, как взволнованно расхаживает Она по комнате, сетуя на медленное и неповоротливое время, ощущая каждой своей клеткой его вялую текучесть. И как названивает неустанно тем, кого считает близкими людьми, чтобы одолжить, хотя бы, на денёк что-нибудь приличное из обуви, одежды... Я представлял себе Её квартиру, переполненную старым, вышедшим из моды тряпьём... Её подруг, таких же серых, скучных и неинтересных, как Её вещи и Она сама. Сколько же смысла и надежд вложило это странное создание в ту нашу пятничную встречу?! - не переставал думать я тогда... Воодушевлённое воображение выдавало почти реальные картины: как корчится Она от боли и тоски, как примеряет и отшвыривает в сторону старое и блеклое тряпьё, как плачет, рыдает и никак не может успокоиться, потому что не может... не может Она быть лучше, потому что Её серость - это Её предел и чувствует Она это, как

чувствует боль за неудавшуюся серую жизнь. Я всё время думал о Ней... Что бы я ни делал, чем бы не занимался, Её образ был перед глазами – хотел я того или нет – он сопровождал меня повсюду и заставлял с собой считаться. Я вдруг поймал себя на мысли, что не думать о Ней больше не могу, и что глупая игра воображения выработала во мне весьма стабильную привычку мысленно быть всё время с Ней, представляя при этом не только Её действия, но и волнения, связанные с нашей предстоящей встречей. Казалось, воображение не просто выдавало, а вынашивало, да-да, именно вынашивало в себе чувства и эмоции, предназначенные для Ней. Я создавал ход мыслей, действий, старался ощутить процесс всё более и более назревающих чувств. Я сгущал краски, и чем лучше это у меня получалось, тем больше просыпался во мне нездоровый азарт и желание увидеть в пятницу обречённое на страдание существо... Мне не терпелось преподать Ей урок собственной морали, перед которой преклонялся сам, навязать Ей религию сиюминутных желаний и страстей, религию вне нравственных понятий, вне чувства долга и, несомненно, вне любви. Я представлял, как, сидя в парке, буду перебирать Её по косточкам, при этом давая понять, что делается это для Её же блага, потому что не может быть ничего хуже неосознанного прозябания, равно, как и влачения тягостного, однообразного существования.

Так, или примерно так, думал я всю неделю, иногда несколько меняя сценарий собственного выступления, однако, суть изложенного, конечно же, оставалась неизменной... Наконец, наступила долгожданная пятница... Дел в тот день было невпроворот. Голова была забита цифрами, контрактами, поставками... Казалось, ещё немного и, не выдержав напряжения, она разлетится вдребезги. Несмотря на это, Она неустанно мелькала перед глазами, присутствовала во всём, как бы сбоку, незаметно, невзначай, жила во мне, в моём сознании, как непонятная, но обязательная необходимость. Я даже подумал тогда, - Неужели наша встреча может дать мне нечто большее? - Ведь, я прекрасно осознавал, что мне нужна не столько Она, сколько моё пренебрежительное снисхождение к Ней – незримой и никому ненужной точке в огромном сером месиве человеческого большинства. Это всё, чего мне хотелось и что двигало тогда моим помутнённым рассудком! И почему мне хотелось совершить столь неосознанную подлость, почему ничего в глубине не шелохнулось, не запротестовало, не дало каким-то образом понять, что нельзя! Очнись!

Приди в себя! Никакое предчувствие не заставило меня пусть на мгновение, но призадуматься: «Что же ты! Что же ты, жалкий самолюб делаешь?! Кто позволил?!» Ничего меня не мучило, и даже, наоборот, что-то подхлестывало изнутри, поддерживало и давало силы. Я предвкушал Её боль и унижение от несбывшихся тайных надежд...

Я дождался, когда часы пробили третью четверть шестого, и быстро вышел из дому, на встречу с Той, которой суждено было сыграть в моей жизни поистине роковую роль. Пройдя метров сто, пересёк улицу и, опустившись по узеньким лестницам, минуя главный вход, находившийся на противоположной стороне, сразу же оказался в парке. Медленно, неторопясь, Я шёл к той скамье, на которой Её случайно встретил, хотя, признаться, меньше всего эту встречу считал случайной. Дойдя до скамьи и развалившись на ней, я самоуверенно ждал Её прихода. Чего я ожидал от этой встречи? Пожалуй, задай я самому себе тогда этот вопрос, вероятно, я не смог бы на него ответить. Но если бы смог, возможно, всё сложилось бы иначе, вернее, не сложилось бы никак, и не было бы новой жизни в тисках той же старой, не было бы той новой точки отсчёта, которая изо дня в день всё больше и больше распирает душу, и не было бы ничего, как месяц, год и десять лет назад. Однако, так не бывает, я теперь это понимаю, хотя бы, по той простой причине, что все мы – осознаём того, или нет, но все мы находимся на огромном испытательном полигоне, где испытанием для нас является, практически, всё – и болезни, и страдания, и счастье, и успех, и благополучие. И кто знает, какое испытание труднее выдержать – испытание счастьем и благополучием, или же, испытание страданием и нищетой? И не испытывают ли человека на озлобление, заставляя его страдать, пока, он сам не выработает в себе иммунитет против этого общечеловеческого бедствия? А испытание счастьем, достатком, благополучием? Или найдётся какой-нибудь чудаковатый, готовый возразить, что этим не испытывают? Испытывают, безусловно, испытывают. Но в том-то и заключается это испытание, чтобы проверить – не делает ли это пресловутое богатство, везение, благополучие нас нищими и бесчувственными там, внутри, не превращает ли оно нас в малодушных человечков, ставших жрецами ложного алтаря? Тогда, развалившись на скамье, в ожидании Её прихода, у меня не было подобных мыслей. Их не могло быть по той простой причине, что не были разыграны те жизненные события, которые должны были привести к их появлению. Иначе говоря,

тогда, в тот роковой для меня день, я даже не предполагал, что нахожусь в предверии серьёзнейших жизненных испытаний, хотя, до сегодняшнего дня мне трудно уловить момент, когда испытания начали сопровождаться наказанием, а наказание – тем состоянием, которое именуется прозрением.

Итак, устроившись поудобней, я начал празднично оглядываться по сторонам. Моя уверенность в Её появлении была совершенно непоколебима и потому, поглядывая на часы, я безразличным взглядом провожал проходивших мимо меня. Откровенно говоря, это удивило даже меня самого, потому что трудно было припомнить, чтобы когда-нибудь я с такой лёгкостью пропустил бы без внимания, хоть, пару стройных женских ножек, но мне действительно было не до них: я был полностью поглощён серенькой особой, которая вот-вот должна была появиться. Я ждал... Но Она почему-то не появлялась. Мимо проходили люди, много людей, но Той, которую я ждал, не было. Меня охватило странное беспокойство: я встал и направился в другой конец парка, по-мальчишески уверенный, что где-то Она всё-таки есть и, сидя на какой-нибудь скамье, так же смотрит в далёкую и столь непостижимую для меня даль, и достаточно немного осмотреться, как Её мертвенное лицо, холодное и отталкивающее, предстанет передо мной и вновь ошеломит своим абсурдным и неправдоподобным притяжением. Я брёл по парку, внутренне сопротивляясь мысли, что Её нет и что в своих расчётах я глубоко ошибся. «Нет, да это просто невозможно. Она вот-вот появится. Мало ли что могло случиться... Чтобы Она не пришла?! Смешно даже думать об этом. Ведь это Её единственный шанс! Ей не на что больше рассчитывать...» Я смотрел по сторонам всё ещё уверенный, что наша встреча непременно состоится. И только, когда часы на центральной площади пробили семь часов, понял, что потерпел полнейшее фиаско. Она восторжествовала надо мной, заставила с собой считаться. Это было выше моего понимания. В груди что-то кольнуло. Абсурдное желание поиграть Её судьбой внезапно сменилось желанием, я бы даже сказал, острой необходимостью Её увидеть. Я ощущал свою беспомощность и невозможность что-либо изменить в создавшейся ситуации. Мне становилось всё хуже и хуже. Внутри что-то ныло от самой мысли, что Её нет и целую неделю эта болезненная беспомощность и полнейшая зависимость мыслей от Её серого образа, не давая ни минуты покоя, будут сопровождать меня. Мне хотелось возненавидеть Её и выбросить из головы, как, положим, глупость или неудавшийся каприз, но

что-то мешало это сделать, что-то там, внутри, сопротивлялось, заставляя, тем самым, всё глубже и глубже погружаться в неведомые мне чувства, и при этом туманно осознавать, что выбраться оттуда будет крайне тяжело; если вообще возможно.

Я вернулся домой совершенно разбитый и с чувством полнейшей ненужности всего того, что меня окружало. Раздражала собственная квартира, обстановка, столь ценимые мною независимость и свобода. Совершенно не представляя, как можно избавиться от этого чувства, я неосознанно поднял телефонную трубку и, набрав номер, сухо произнёс ставшие обычными слова о скуке, о желании увидеться... Не успев произнести и половину заготовленного текста, я бросил трубку на рычаг и быстро удалился в спальню, где с самого утра меня ждала неубранная постель и горстка воняющих окурков.

Чувствовал я себя прескверно, к тому же, прекрасно понимал, что не в состоянии, хоть, что-то изменить в себе. Казалось, ещё немного и я задохнусь от собственной беспомощности, от невыносимой зависимости, несвободы, когда ощущаешь, что ты уже не в состоянии быть хозяином самому себе. Тогда я не предполагал, что это состояние станет для меня привычным, превратится в постоянного спутника. Тогда я не понимал ещё, что со мной происходит, и был уверен, что виною всему особое, непривычное для меня возбуждение из-за ничего не значащей посредственности в образе старой девы, которая возомнила из себя Бог знает что, более того, посмела не прийти в назначенное время. Однако, сколько бы я не убеждал себя в этом, мысли о Ней продолжали будоражить меня, мешая достичь так желанного равновесия. Я готов был проклинать Её, оскорблять, ненавидеть, но, к сожалению, ни один из этих рецептов не обладал той силой, которая могла бы меня спасти, выволить из этой безумной зоны нежелательного притяжения. Я понимал, что больше себе не принадлежу. Мысли о Ней всё больше и больше овладевали моим сознанием. Всё, что окружало меня, теряло всякий смысл, казалось ненужным. Приятная взору мелочь на сей раз служила только поводом для раздражения. Что-то изменилось во мне... Попытки Её возненавидеть или просто забыть мгновенно причиняли боль и вызывали душевные муки. «Господи, - сетовал я, - кто же подложил тот камень, кто потянул за язык, и в конечном итоге, кто подсунул эту коварную мысль поиздеваться над Ней? Не мог я подвернуть ногу в другом месте, начать с иной особой

разговор, и в конце концов влюбиться в другую?» - Меня вдруг, словно, током ударило от слова «влюбиться» - «Что за глупости?! Какое непростительное умопомрачение! О чём это я? Влюбиться?! В Неё?! Бред! Бред какой-то! Откуда Она свалилась на мою голову?

Всё! Всё! Нет Её! Нет Её! Я свободен! Я безмерно свободен! Господи, какое умопомрачение! Какой ужас! Бежать! Бежать от всего этого надо! Да это же болезнь! Сумасшествие! Вспомни! Вспомни лучше, какая Она! Вернее Оно! Да, да, Оно! Так лучше! Может, это отрезвит! Вспоминай, вспоминай дряхлое безжизненное тело Её, старческое лицо – дряблое и неухоженное, отвратительные ноги, несуществующую шею, грудь, эти маленькие миндалевидные глаза – холодные и пустые... Вспоминай... вспоминай... держи перед взором и спасайся! Оторвись от Неё! Оторвись! Что же с тобой?! Что? Почему не можешь? Мужчина!!! Вспомни женщин, которые одаривали тебя своей нежностью! Вспомни! Сконцентрируйся на них! Они все могут быть твоими, достаточно этого захотеть, достаточно позвать их. Они слетятся все сразу и осчастливят тебя. На них держи своё внимание, держи... нет, нет... лучше позвони, да, да, позвони всем сразу, пусть приедут все! Все, кто когда-либо появлялся в твоей жизни! Пусть окружают тебя, делают с тобой что хотят, пусть отключат тебя, пусть защитят от Неё»...

Голова горела и раскалывалась. Я боялся дотронуться до неё - казалось, полетят искры. Что за сумасшествие овладело мною? Какими катастрофическими последствиями обернулись мои действия? «Я болен! Я же болен! Никак иначе... Вещи надо называть своими именами»... Ухватившись за раскалывающуюся голову, я грохнулся на диван и постарался забыться... Забыться...! Если бы я знал, как это можно сделать! Если бы я знал... «Надо же! Надо же так влипнуть... Да ещё в кого? Нет, это просто смешно... Хотя, не до смеха... Это становится просто невыносимым! Надо Её увидеть! Да, да, увидеть! А то я сойду с ума! Но где Её найти? Где? А впереди целая неделя... Целая неделя...» Неделя мне вдруг показалась вечностью, а встреча с Ней желаемым фантомом и более ничем. Я попытался встать с дивана, чтобы пройтись, хотя бы, по комнате - на прогулку явно не хватило бы сил, - но встать не сумел - всё внутри горело и требовало Её присутствия... «Неужели я действительно влюбился? Да нет! - Отбрыкнулся я от собственной же мысли. - Что за чушь лезет в голову? О чём это я? Если то, что я сейчас чувствую, пусть только в отдалённом

приближении напоминает зачаточное состояние любви - значит этот мир принадлежит сумасшедшим. Только сумасшедшие могут воздвигнуть эту боль в ранг не так уж часто достигаемого счастья! Неужели они все мечтают именно об этом? Любить, чтобы так страдать?! Хотел бы я знать, в чём смысл этих мук? Ради чего? Почему я должен страдать?! Разве мне плохо жилось? На кой ляд мне эта любовь, будь она неладна... Разве я просил её у кого-нибудь? Разве молился кому? Почему не дать её тем, кто мечтает о ней? Ведь столько мечтающих! Причём тут я? Я выработал жизненную позицию, которой беспрекословно подчиняюсь, она меня устраивает, отвечает моим жизненным интересам. А любовь не моя стихия, я никогда в ней не нуждался. Она подкралась сзади, предательски пронзив меня... И я страдаю... Страдаю... хотя, не понимаю почему. Неужели только потому, что Её нет рядом? Какая глупая комедия! Жаль, что не смешная. Всё нутро выворачивается наизнанку только потому, что Её нет... Потому, что не встретил я Её... А если бы Она пришла? Какие бы чувства обуревали меня, состоись эта встреча? Неужели я был бы счастлив? Или довольный удовлетворенными амбициями, возлежал бы на диване, тупо следя за телерепортажем с футбольного матча?!» Голова шла кругом, весь скрюченный и беспомощный лежал я на этом самом диване и понимал, что ещё немного и остаток контроля над собой и собственными чувствами будет утерян полностью. Помню, как старался я что-то с собой сделать, найти какой-то выход, даже был готов сбежать куда угодно, лишь бы освободиться и больше не страдать. Но мог ли уйти от самого себя?

И возможен ли побег, когда Она успела стать необходимостью и частью меня самого? Мне было плохо... Мне было очень плохо... И понял я, что больше не принадлежу самому себе. Болели кожа, кости, трещала голова и ныло сердце... Вдруг память выдала обрывки лекций, прослушанных много лет тому назад: «Игра воображения, - почти кричал маленький и сгорбленный профессор психологии, - вот что может вас спасти тогда, когда помощи ждать уже неоткуда». Он появился в сознании настолько внезапно, что я даже удивился. Он напоминал мне маленького гнома, который прекрасно знает, что говорит. Я расслабился, если, конечно, мои потуги можно было назвать расслаблением, закрыл глаза и постарался представить себе, как Она счастливая и радостная, сидя на скамье ожидает моего прихода. «Она есть. Она пришла. Она ждёт. - убеждал я самого себя. - А вот подхожу я, сажусь рядом, смотрю на Нёе». Я всячески

старался реально ощутить Её присутствие, и не только в своём воображении, но и наяву. «Да! - нервно внушал я самому себе, - Сижу я на этой пресловутой скамье! Сижу! И Она рядом... рядом...»

Чем больше я старался внушить себе эту мысль, тем больше осознавал никчемность проводимого мною эксперимента. Тщетны были все попытки оживить Её и сделать послушной марионеткой в собственных руках. Она не поддавалась... И даже образ Её противился этому сумасшествию, то исчезая куда-то, то появляясь вновь. Я стал казаться самому себе жалким, ни к чему не пригодным человеком: даже в собственном воображении я не в силах удержать Её. Образ Её, словно, живое существо, жил своей жизнью и противился любому моему вмешательству. Как тщетны были все попытки, хоть как-то, облегчить собственную участь. Все эти никудышные потуги всё больше и больше усугубляли моё и без того незавидное состояние. Ничего не получалось... ни-че-го... Мне было плохо. Я чувствовал страдание каждой своей клетки. Я хотел Её присутствия, хотел, чтобы Она была рядом. «Я же не могу без Неё, - вырвалось у меня из груди, - ведь, не могу же...»

Помутневший рассудок капитулировал окончательно. И только одна мысль, за которую я держался, как мог, пожалуй, могла ещё меня спасти: «Собрать! Собрать их всех и устроить оргию, какую свет не видывал. Да, это выход! Телефон! Где телефон? Я поднял трубку и наощупь набрал нужный мне номер. Малышка долго что-то лепетала. Её тоненький и музыкальный голосочек всегда действовал на меня неотразимо. Однако, на этот раз показался мне совершенно другим. В нём явно проскальзывала фальш и наигранность, что неприятно меня покорило. Я понял, что не хочу её видеть, равно, как и всех остальных. Наигранность речей, которая ещё несколько дней тому назад меня вполне устраивала, сейчас вызывала только раздражение. Разговор окончательно вывел меня из колеи. Я встал с дивана, подошёл к столу, налил в бокал вина, и попивая маленькими глотками, вышел на балкон, который выходил в сторону парка.

Было уже темно... Осенние звёзды, казалось, растворяли собой темноту. Я смотрел на этот чудесный небесный ковёр, и откуда-то издалека приходило ко мне новое осмысление действительности. Казалось, бесконечное небо колдовало надо мной своим безукоризненным магическим покровом, своей непостижимой и вечной красотой... Я прозревал... Непостижимые небесные дали были так близки, так ощутимы,

так реальны, что захотелось протянуть к ним руки, дотронуться до них и забыть... обо всём забыть... словно, и не было всего этого... Но вдруг опять всё зануло, опять невыносимая тоска обволокла меня и начала душить... Мне не хватало воздуха, тепла... и Её присутствия... Меня спасали воспоминания той единственной нашей встречи, такой неудавшейся, такой позорной... Я каялся в своей бесчеловечности, каялся за собственную дерзость играть чьей-то судьбой, хотя, на самом деле всё получилось наоборот - сама Судьба играла мною, тем самым, дав понять простую истину - любое наше действие, любое слово, пусть безобидное, пусть ничего не значащее, чреватые непредвиденными и весьма тяжёлыми последствиями. Я смотрел куда-то вдаль, туда, где на горизонте звёздное величие сливалось со множеством горящих маленьких огней. Сливаясь воедино, они исчезали под покровом горизонта. Лежащий в котловане город своим светящимся сиянием казался маленьким подобием большого неба. «Всё так похоже, - подумал я, - тёмное небо, тёмный город и маленькие огоньки тут и там, старающиеся растворить в себе эту гигантскую темноту. Какая сила, эта ночь! И вечная безустанная борьба!» - Я пристальнее начал всматриваться в темноту и показалось мне тогда, что она сама старается растворить в себе непрошенных гостей - тысяча светящихся точек, хотя, кто знает, как там обстоят дела на самом деле... Мне бы понять своё - почему я, уверенный, что растворю Её в себе, сам растворился в Ней, даже не предполагая, что подобное возможно. Меня наказали тем чувством, которого я чурался, в которое не верил и потому не воспринимал всерьёз. Не было для меня любви, не существовало её в моём больном сознании... Но была плоть и маниакальное желание обладать ею всегда. А всё, что было вне страсти, воспринималось мною до смешного несерьёзно. «Любовь удел жизненных неудачников, - бравировал я всегда, - любовь для серой посредственной толпы, заполняющей этим понятием пустоту, оставшуюся от несбывшихся надежд, страстей, желаний»... Любовь! Могу ли я сказать, что не принимал её вообще? Отрицал её полностью и безоговорочно? Пожалуй, нет. Она всё же существовала для меня в трёх чётких ипостасях – к Родине, родителям и детям, хотя, признаться, принимая это разумом, мне так и не пришлось почувствовать эту любовь нутром: к родителям я относился с холодком, хотя, это мучило меня всегда, детей своих не было, а Родина была всегда и, видимо, именно, поэтому я не чувствовал к ней той любви, которая могла

заставить меня обливаться горькими слезами и с тоски воспевать её величие и красоту. Но я любил свой город, любил свой дом, любил общаться с близкими друзьями. А любил всё это не потому, что без этого не мог, а потому что нравилось. Я мог переехать в другой город и благополучно жить, мог построить новый лучший дом, продав любимый старый, да и с друзьями мог не видеться годами и продолжать считать их близкими и нужными людьми. Но вот Она... «Неужели я смогу, любя Её, смириться с Её отсутствием? Какая страшная мысль... Всё равно, что живя, смириться со смертью. Вот ты какая, любовь! Сильная, цельная, жестокая, неумолимая... А я, чудак, не верил в тебя... А ты, оказывается, существуешь, подкрадываясь незаметно к людям, вонзаешь в них свои стрелы, даже, не считаясь с ними... Для тебя люди, наверное, игрушки, и им ли идти против тебя... Скажешь, ты делаешь нас счастливыми? Но бескорыстны ли твои намерения дать нам счастье? Ведь, взамен ты отнимаешь свободу, делая нас рабами, рабами любви... Тогда, где справедливость, где свобода выбора? Хотя, о чём я говорю, пустословие всё это, пустословие... Мои разглагольствования вряд ли, хоть, что-то могут изменить, хоть, что-то сдвинуть с мёртвой точки. В этом мире, наверное, всё происходит так, как и должно происходить и каждый получает то, что заслуживает»...

На балконе становилось холодно. Почувствовав лёгкую дрожь, я вошёл в комнату. Тяжёлая, усталая голова, выдававшая не слишком мудрые мысли, полностью отключилась, на меня давили стены, марель и Её отсутствие. Перспектива ожидания следующей пятницы валила меня с ног, вызывая детскую беспомощность и злость. Я рвал, метал, мысленно перечёркивал происшедшее, будто нам дана такая власть, и убеждая самого себя, что, наконец-то, удалось освободиться от мучительной фантасмагории, опустил на диван и, уткнувшись головой в подушку, попытался заснуть... отключиться... забыться... чтобы больше никогда не вспоминать о Ней. Но как тщетны были мои старания в ту осеннюю ночь, хоть, что-то изменить в себе. Я бился, как муха о стекло но, хотя, не понимал этого, был уже обречён нести свой крест.

Еле волоча ноги, я поплёлся на кухню. Зачем? Почему? Меня не мучили ни голод, ни жажда. Просто, мне не сиделось на месте. Я крутился по квартире, будто, это могло спасти меня. Мне становилось всё хуже и хуже. Предстоящая неделя приобретала контуры бесконечности, а Её отсутствие медленно убивало меня. Я противился этому, любя, проклинал

Её, и готов был заключить любую сделку с кем угодно, лишь бы, закончилось это страшное противостояние между разумом и душой, лишь бы, закончился этот неудачный эксперимент, лишь бы, кто-то помог, лишь бы, кто-то избавил... Помню, как убеждал себя, что это невозможное безумие всего лишь плод моей фантазии, чушь, вскормленная мною и потому принявшая катастрофические размеры, и достаточно Её увидеть, как всё встанет на свои места, всё образумится, всё утрясётся. Мысль увидеть Её вновь переполошила мою душу, вновь приблизила к безумству и, затягивая на моей шее удушающую петлю, полностью овладела мною. «Видеть Её! Я хочу только одного - видеть Её! И больше ничего... больше ничего...» Я не мог противостоять этой мысли, не мог отказаться от неё, она магическим образом парализовала моё сознание, заставляя прислушаться к зову души. Необходимость быть с Нею не вызывала больше никаких сомнений, хотя, я по-прежнему сопротивлялся, бунтовал, ведь, я боялся потерять себя и, растворившись в Ней, как мальчишка, увековечить своё рабство. И та двойственность, словно, шептала мне, что там, глубоко внутри, моя цельность дала трещину, разделилась пополам, вот и бьёт ключом одновременное желание и нежелание, хотение этого состояния и чувство необходимости его быстрее отторжения от себя, как единственно возможное спасение. Но спасение кого? Меня вчерашнего? Дон-Жуана и сердцеда? Я спасаю себя, чтобы остаться вчерашним? А если нет? А если этого не делать и дать возобладать над собой тому, второму чувству, подкрадывающемуся из скрытых уголков души? Что там, в глубине? Какой-то мудрец сказал, что только там, в глубине души нашей бьётся чистейший источник человеческой сути... Что же это? Он старается пробиться ко мне? Несёт мне любовь? Но почему такую мучительную? Не хочет ли он сделать из меня святого? И почему этот источник сути человеческой спал беспробудным сном до встречи с Ней? Почему он не раскрыл себя, не возобладал надо мной, скажем, год или два тому назад? Почему? Почему была выбрана, именно, Она? Не спросив, так сильно поразил моё сердце... Да... не узреть в этом наказание, значит, быть полнейшим слепцом. Ни к чему возмущаться, восставать, противиться, тем более, когда весь я Ею завоёван, хотя, толком Её и не знаю, а перед глазами только мертвенный и ничего не говорящий взгляд.

Было уже поздно. Я пошёл спать с чувством обречённости, хотя, кто знает, на что я был бы обречён, не будь всей этой истории. Я уж не

сопротивлялся мысли, что люблю Её, а просто любил, и любовь эта причиняла мне только страдания.

Последующая неделя была сплошным кошмаром. Я оставил все свои дела и полностью занялся Её поисками. С утра прочёсывал близлежащие дворики, дома, продовольственные магазины в надежде где-то случайно Её встретить. Я расспрашивал о Ней почти всех, кто встречался на моём пути, хотя, и чувствовал, что смотрят на меня с недоумением и, даже, некоторой опаской, трёхдневная щетина, всклокоченные волосы и налитые кровью опухшие глаза, вряд ли, могли внушить кому-то доверие. А описание внешности, где делался акцент на мертвенный взгляд, старые истоптанные башмаки и волосы, собранные в старческий узел, полностью сбивали прохожих с толку. Однако, их откровенное удивление ничуть меня не смущало. Мне было всё равно, что обо мне подумают люди, ничуть не представлявшие, что может твориться в душе безнадёжно влюблённого человека. Я выклянчивал у прохожих сведения, просил не отказывать, вспомнить, ведь, не могла же Она сквозь землю провалиться, ведь живёт Она где-то, среди них, среди людей... Почему Её никто не знает? Ведь, Она так не похожа на других. Я вдруг поймал себя на мысли, что образ Её, доселе серый и неприметный приобретает для меня совсем иное значение. Он, словно, налился красками, оживился, стал ярче и значительнее. Она больше не казалась мне серой. Эта мысль теперь даже возмущала меня, и, тем более, не казалась бредовой другая мысль, что Она может нравиться... Может, безусловно может... И совсем не во внешности дело, совсем не во внешности. Когда я думал о Ней, моё воображение набрасывало туманные контуры, Она, словно светилась изнутри, сильно притягивала и заставляла любить. Я давно перестал сопротивляться...

Однако, мои мытарства каждый раз заканчивались ничем и мне ничего не оставалось делать, как надеяться, что в пятницу, всё же, удастся встретиться с Ней в парке. Эта кошмарная неделя с бесконечными поисками в толпе, расспросами и объяснениями не могли не сказаться на моей психике и потому с наступлением пятницы у меня начались другие проблемы: не радостное волнение охватило меня, а самое настоящее безумство. Теряя контроль над собой, я превратился в сумасшедшего. Если до этого я мог, хоть, краешком сознания охватить мир, в котором пребываю, не забывая при этом о Ней, то в пятницу, кроме Нее уже ничего

не существовало. Я был полностью поглощён Ею и ощущал себя больным человеком. Я чувствовал, как болезнь моя, прогрессирующая изо дня в день, принимает всё более тяжёлые формы. И после полудня болезнь обрела форму катастрофы – мир исчез, оставив меня наедине с мучительным переживанием. В сердце кто-то вколачивал пудовым прессом, в пересохшем горле пылала лава извергающегося вулкана, ватные ноги отказывались слушаться, вибрирующие руки не в состоянии были донести до рта стакана воды, чтобы утолить адскую жажду, а затуманенное сознание, даже этого не воспринимало. Помню, как заметив собственное отражение в зеркале, я не узнал себя. На меня смотрел странный человек с измученным страдальческим лицом и отрешённым взглядом. Осунувшееся лицо, дряблое и неухоженное, покрыто было недельной щетиной. Виски... серебрились...

Я дрожащими руками дотронулся до зеркала. Мне не хотелось верить... Что с нами делает время? А ведь прошла только неделя... словно поработал хороший гримёр... Глаза... Я не узнал своих глаз, помутневших и налитых кровью... Неужели это я?! Где же тот холёный сытый кот? И куда исчез тот взгляд – самоуверенный, наглый? Куда исчез апломб... и вечно довольная улыбка? Куда исчез тот человек, который считал, что мир, да-да, весь мир, в его кармане, и достаточно только захотеть... и можно всё купить... и можно всё иметь... Где? Где? Что произошло с тобой? Мне больно на тебя смотреть... мне страшно за тебя... потому что сегодня пятница и приближается назначенное время... кого же я увижу перед собой через неделю, не приди Она сегодня? Неужели глубокого старика?.. Нет, нет, надо образумиться, даже, если Она не придёт... ведь, Она всё равно во мне... Она больше во мне, чем я сам... даже, можно сказать, что меня почти нет... я растворился, исчез, и моё существование продолжается сквозь призму Её самой. Есть мы - я и Она... и этого достаточно... даже если Её и нет в моей жизни - реальной жизни, пусть так, и в боли моей Её нет, потому, как боль заменяет Её отсутствие... Но Она во мне, в моих мыслях, желаниях, мечтах, и там я Её хозяин, и там Она подвластна только мне... И не хочу я больше ничего... Ничего... Только Её. Я воздвигну Её на алтарь и превращу в Богиню.

Часы пробили половину шестого... Я очнулся и понял, что нахожусь на грани помешательства, что ещё одна пустая пятница – и может наступить

тяжёлый и глубокий кризис. И спасение моё, пожалуй, только в одном – увидеть Её сегодня, или же, найти всеми правдами и неправдами.

Я набросил на себя лёгкую куртку, и уже хотел выйти из дому, как телефонный звонок заставил вернуться обратно. Звонил врач, мой друг, но, озабоченный своими проблемами, я не сразу понял это. Голос в трубке вещал, что кто-то где-то умирает и спасти его может срочная операция и лекарства, поставками которых занимаюсь только я.

- Сейчас не могу, - коротко ответил я, - у меня дела, серьёзные дела, в лучшем случае после восьми освобожусь, раньше никак.

- Слушай, старый, сделай для меня, считай, это моя личная просьба. Случай такой... особенный...

- Сколько лет?

- Семьдесят пять.

- Ты так беспокоишься, будто речь о двадцати пяти идёт...

- Какая разница, сколько ему лет?! Здесь дело такое... Старик этот только и твердит, что не имеет права умирать... если бы ты знал...

- А кто, по-твоему, имеет право на смерть? Ишь ты, расчувствовался. Ты же врач! Не первый случай, и не последний. Перезвони в восемь, сейчас у меня этого лекарства нет, но в новых поставках не исключено, что будет. Жду со дня на день.

- Не можешь пройтись по своим каналам?

- Могу, но только через два часа, в лучшем случае – через полтора...

- Боюсь, через два часа уже поздно будет – он плох, каждая минута дорога!

- Понимаю, но у меня, действительно, важное дело. Обещаю быть... - я посмотрел на часы и буркнул, - в семь я как штык дома.

- В семь, или в восемь, уже неважно. Это меня не устраивает.

- А что тебя устраивает? - еле сдерживаясь, произнёс я.

- Чтобы ты сейчас же отставил все дела, и занялся поиском лекарств. Прошу... Ты же знаешь, как обеспечиваются больницы. Единственная надежда на Господа Бога, да на таких, как ты...

- Спасибо, но твои увещания меня тоже не устроят. Для меня встреча – вопрос жизни и смерти. Не могу не пойти... Но обещаю, как только вернусь, хоть, из-под земли достану то, что нужно... Только не сейчас... Не обижайся... Сейчас я сам, не более жив, чем твой

семидесятипятилетний больной... Кто бы, обо мне позаботился, как ты заботишься о нём...

- Ну и гад же ты. Мне твои дела хорошо известны. Небось, на свидание лыжи наострил, и сердечко, наверное, постукивает? Сексот проклятый! Когда только жизнь тебя научит...

Он бросил трубку... Я стоял, как вкопанный... Внутри всё кипело от обиды, но я прекрасно понимал, что мои всем известные амурные похождения давали ему право так припечатать мне. Я получил пощёчину тогда, когда меньше всего этого заслуживал. Положив телефонную трубку на рычаг, я вновь направился к двери, на этот раз не только разбитый и раздавленный, но и с чувством незаслуженного, как мне казалось, обвинения. Выйдя из подъезда, пошёл в сторону парка.

Последние три дня осень словно подменили. Изменив своему мягкому нраву, она стала холодной, хмурой и дождливой... Величественные деревья, ещё недавно ослеплявшие своим неповторимым многоцветьем уже успели погрузиться в мрачный осенний сон, щедро разбросав по земле своё выцветшее оперенье. В парке почти никого не было... Только здесь и там в обнимку сидели влюблённые... Им было хорошо... Я завидовал им... Начал накрапывать дождь... Я приблизился к заветной скамье и опустился на неё, как ни в чём не бывало...

- Что, ему места мало? - услышал я шёпот.

- Да, пусть сидит, - так же тихо ответил мужской голос.

- Но я хочу быть только с тобой, - вновь нашептывал голос.

- Не обращай на него внимание. Я люблю тебя.

- Люблю тебя, люблю, люблю, люблю, - всё нашептывал и нашептывал голос.

Дождь всё усиливался. Влюблённые, укрывшись непромокаемым плащом, продолжали нашептывать друг другу счастливую чушь.

Какая ирония судьбы! Проливной дождь?! И именно сегодня?! В пятницу?! Я же, сам Ей сказал - по пятницам, если, конечно, нет проливного дождя или тридцатиградусного мороза... Но, ведь, я же пришёл? Разве я мог не прийти, случись даже землетрясение?.. Приполз бы на четвереньках... А Она не пришла... Значит, смогла не прийти, и проливной дождь тут не причём... Но, ведь, есть ещё время, - я лихорадочно посмотрел на часы, - Слава Богу, есть... Только надо набраться терпения... и ждать... ждать... Но почему Её нет?! Почему нет Её... Да, нет Её... Пришла бы...

Дала бы мне силы устоять на ногах, чтобы смог я сделать что-то для этого умирающего старика... Откуда только он взялся на мою голову... Просто дурно становится от мысли, что чья-то жизнь зависит от меня... от того, когда доползу домой, от моего желания или нежелания помочь... от комфорта или дискомфорта души... а если быть откровенным до конца, то жизнь старика зависит только и только от Неё... Ей бы только прийти... только прийти... и я спасу его... поеду, хоть, на край света, но достану нужные лекарства... И пусть живёт себе старик, раз уж такая ему жизнь нужна... Лишь бы, Она пришла... Лишь бы, пришла... Знала бы Она, что от Неё зависит чья-то жизнь... Если же Её не будет... не только жизнь старика, но и моя собственная теряет всякий смысл... А Она и не предполагает, что от Нее зависит жизнь человека, который неистово хочет жить... Да! Именно от Неё! Потому что, если и сегодня Её не будет – я не смогу ничего сделать... не захочу ничего делать... Потому что всё будет безразлично...

Ещё разные мысли пробивались мне в голову – умные и глупые, существенные и абсурдные – ещё билось сердце и дрожали руки, то ли от тревоги, то ли от пошатнувшихся нервов. Я сидел на скамье рядом с влюблённой парой и, с настырной надеждой смотрел по сторонам, нервно поглядывая на часы. Уже было без пяти минут семь, и глупо было на что-то надеяться. Я закрыл глаза... Усилившийся дождь хлестал по щекам... С волос и с лица стекали струйки воды... Казалось, я проваливаюсь в бездну... Каменею... Перестая существовать... Но сознание моё живёт... И вновь обращается к Ней... «Ты не пришла... Почему не пришла? Почему? Неужели не чувствуешь моей любви? Неужели не сжимается Твоё сердце от мук моих... Ведь, я так страдаю... так люблю... только каменное сердце могло не отозваться на мои мучения, только немощные ноги могли не привести Тебя ко мне. Как же Ты так?.. Как? Перевернула душу и исчезла... А я даже не смог защититься... Не смог оказаться сильнее любви... Где же были мои защитные силы? Этот пресловутый иммунитет?.. Почему не поднялась температура, не переполошился организм?.. Ведь, там внутри что-то дало сбой, что-то не так сработало... и огромный потенциал чувств, покоящийся в глубине души, рассчитанный и разделённый по годочкам... взорвался вдруг... в единовременье... и вытекло всё сразу... превратив меня в безумца... сделал больным... Ведь, только безумец и больной человек может сидеть под проливным дождём и ждать... и надеяться на что-то... и не переставать любить.

Мне стало холодно... Я встал и, оставив счастливую пару под проливным дождём, направился к выходу. Меня ужасала мысль, что ещё одна неделя, длинная и пустая, ожидает меня впереди. Да ещё, этот старик, свалившийся, Бог весть откуда, на мою голову... Я вдруг вспомнил, что обещал в семь часов как штык, быть дома. Ускорив шаг, поспешил домой.

Не успел я открыть двери, как раздался телефонный звонок.

- Слушай! - грозно рявкнул я в трубку, и услышал женский голос.

- Здравствуйте. Вам сегодня звонил доктор... Я насчёт лекарств.

- К сожалению, ничем не могу помочь.

- Прошу вас, сделайте что-нибудь. Ведь, должны же быть у вас какие-то связи. Я заплачу вам, только прошу, очень прошу вас, будьте милосердны, - её голос дрожал, и я представил, как на её глаза наворачиваются слёзы.

- Я понимаю. Постараюсь что-нибудь придумать, но только не сейчас. Я только что вошёл, мне нужно привести себя в порядок, впрочем, оставьте свой номер телефона, как только будут новости, позвоню.

- Вы не забудете? - Продолжал голос. - Не отговариваетесь?

Мне стало стыдно, словно, кто-то угадал мои намерения.

- Слово чести, - вырвалось у меня в оправдание.

Я записал номер телефона, пообещал сообщить ей, если что-нибудь удастся сделать и, пожелав спокойной ночи, положил трубку на рычаг. Голова трещала, казалось, ещё немного, и разлетится в дребезги. Честно говоря, это тайно меня радовало, поскольку служило оправданием бездействию. Однако, не успел я отойти от телефона, как вновь услышал звонок. Я поднял трубку и услышал.

- Это опять я. Извини, что беспокою. Как у тебя с лекарствами?

- Да ты что? Издеваешься? Ты что, думаешь, если бы я имел эти лекарства, не помог бы?

- Вся надежда только на тебя.

- Слушай, я же сказал, как только что-то узнаю, сам позвоню.

- Это, конечно... Ему очень плохо...

- Пусть родственники и займутся, чёрт возьми! Я же сказал...

- Он умирает...

- Ну и что?! Причём тут я?! Лечили бы его вовремя, да, получше, а то довели до критического состояния и давай, теперь всю вину на меня сваливай, ах, какой я подонок, не хочу спасти человека! Где же ты раньше-

то был такой чуткий?! И, вообще, хочешь спасти его, пожалуйста, я не против, дам тебе нужные координаты – пять часов на самолёте в одну сторону и столько же в обратную – там к твоему приезду всё приготовят, давай, езжай, а я тебе за твой альтруизм спасибо скажу!!! Надо же! Какие доброты нашлись!

Бросив телефонную трубку, я стал нервно расхаживать по комнате. «В чём он меня обвиняет? В том, что я не хочу помочь? А почему, собственно, я должен помогать? Кем я прихожусь этому старику? Кем? Никем! Вот то-то и оно, что никем... А претензии прямо, как к сыну родному... Чушь какая-то получается... Не хочу даже думать об этом - ... Да и женщина эта туда же... Надо же... словно сговорились... наверное, дочь его... Да, я обещал ей позвонить... А почему, собственно, я должен ей звонить?.. Не помню... не помню... только помню, что вырвалось у меня что-то вроде «слово-чести». Найдя на столе огрызок с записанным номером, я позвонил, совершенно не представляя, о чём буду говорить с ней.

- Вы звонили мне по поводу лекарств...

- Да, да, - радостно прервала она меня.

Я вспомнил, что обещал позвонить, когда у меня появятся новости по поводу лекарств... Я попал впросак.

- У вас для меня хорошие новости?

Мне нечего было ей сказать. Я находился в глупом положении, но понимал что, раз уж позвонил, надо, хоть, что-нибудь сказать...

- Видите ли, в чём дело, в нашем городе живёт около полумиллиона человек. Каждый день рождаются, болеют и умирают люди. Такова, увы, наша жизнь...

- Что вы хотите этим сказать?

- Я хочу сказать, что если каждый умирающий, срочно требующий лекарств, во всех смертных грехах будет обвинять меня, то это по меньшей мере будет с их стороны и со стороны их родственников просто непорядочно. Поймите, наконец, у меня своя личная жизнь, свои проблемы, жизненные сложности!!! И именно сейчас я оказался в том состоянии, когда мне всё равно, что происходит с окружающим миром – вы понимаете, что это значит, когда человеку безразлично, что происходит с другими – умирают – не умирают, живут – не живут, скажите мне, вы понимаете?

- Я понимаю только одно, молодой человек, вы просто не хотите, вот и вся причина, во всяком случае, я так думаю. Поймите, сейчас не время

разглагольствовать, но всё же, хотелось бы вас предупредить – безразличие – это страшный изъян души и, в любом случае, мне бы не хотелось о вас так думать.

- Оттого, что вы одно понятие заменяете другим, ничего, к сожалению, не меняется, и я не считаю, что от этого становлюсь лучше. О людях судят по их поступкам, как говорится, по конечному результату, а не по тому, каким состоянием души этот поступок был вызван. Так что, считайте как хотите, это ваше дело, но только не обвиняйте, на это вы не имеете права... В чём вы меня обвиняете?! В бессердечности?! Да это же смешно! Что там, у вашего старика? Инфаркт? Правильно я понял? Вы бы лучше обвинили тех, кто довёл его до такого состояния, а не меня! Домашних обвиняйте, врачей, государство, наконец, за нашу несносную жизнь, а не меня, всего-навсего коммерсанта, ничего общего со всем случившимся не имеющего. И если кому-то плохо и чья-то жизнь на волоске, то, пожалуйста, претензии не ко мне! Я тут не при чём! И если уж на то пошло, мне сейчас и самому не лучше, чем вашему старику, но я никого не обзваниваю и не прошу о помощи. Я несу свой крест, как могу...

- Хватит! Хватит, молодой человек! Можно было бы выразиться покороче и попроще, а именно, что вы отказываетесь помочь.

- Если хотите, то да! Я не врач и клятвы Гиппократы не давал! Хотя, не исключено, что в любой момент, может, даже через минуту, получу новые поставки, и, всё же, чтобы помочь вашему старику, я даже, так уж и быть, сам привезу, пусть живёт себе, раз так сильно ему этого хочется, но не сейчас, когда нужно прилагать усилия – ехать, доставать, привозить... Так что, вы уж меня извините, но виноватым я себя не считаю. И никто, вы слышите, никто не имеет права меня в чём-либо осуждать. Вообще-то, говорят – не суди, да, не судим будешь. Прекрасно сказано, не так ли? И действительно, добавить к этому нечего.

- Я-то вас не осуждаю, молодой человек, вы это всё по молодости, по незнанию... А вот осуждённым, боюсь, вам быть придётся...

- Это кем же, хотел бы я знать, и за какое такое преступление?

- Да вот, говорят, есть такой судья – совестью называется... Если она у вас есть, осудит непременно.

Не дав возможности ответить, она положила трубку, оставив меня один на один с самим собой. Всю ночь я ворочался в постели, не будучи в состоянии ни заснуть, ни бодрствовать. Я старался оправдать самого себя,

однако, от попыток самооправдания легче почему-то не становилось. Муки усиливались, и я никак не мог понять, откуда свалилась на мою голову эта история с семидесятипятилетним стариком? И почему, именно, сейчас, когда мне так плохо и совсем не до этого? Не дав оправиться от одного удара, судьба, словно, испытывала меня вновь и вновь. Ведь, сложились обстоятельства несколько иначе, случись всё не сегодня, а недели три тому назад, когда я был ещё свободен, счастлив... Ведь, полетел бы... полетел за этими лекарствами, пусть не один, пусть с ней, с блондинкой, пусть не слишком бескорыстно, а, скорее, руководствуясь мыслью - со своего плеча жалую, - но ведь, всё-таки, полетел бы... И какая разница, какими чувствами был бы вызван мой поступок, может, просто мыслью - укатить с блондиночкой и поразвлечься... Как бы странно не прозвучала эта мысль, но никого не интересует, что послужило поводом для совершения добра, даже, если и совершал его человек, проклиная всех и вся... Главное, он совершил добро, главное, помог кому-то. А если всё наоборот? Если человек отказывается совершать добро? Как я, например... Интересует ли кого - почему? В чём причина этого нежелания, бездушности, нехотения? Ведь, тоже нет... Люди безразличны к мотивам, толкающим людей к совершению тех или иных поступков: человека интересует только одно - результат, конечный результат... И им совершенно наплевать, что творится в душе того, кто отказывается совершать добро... Как эгоистичен этот мир, несправедлив и относителен... И являюсь ли я на самом деле таким черствым и безразличным к людским судьбам, как могло казаться на первый взгляд? Но кого интересует, каков человек на самом деле, если при нажатии курка раздаётся выстрел?.. А если он поразит цель? А если старик умрёт? Хотя... причём тут я со своими примитивными лекарствами против законов природы? Никому не дано остаться на Земле больше предначертанного срока. Каждую секунду в мире умирает человек. Каждую секунду Смерть забирает свою очередную жертву... Люди умирают, чтобы уступить место вновь пришедшим... Причём тут я? Причём? И что я могу? Что? Погрозить таблеткой основополагающему закону Природы? Как же это смешно... Если дано выжить старику - он выживет и без моих лекарств, если же нет, Смерть неминуема... Ну и что?.. Слава Богу, худо-бедно прожил старик своё... грех жаловаться... больше предначерченного марафона не пробежишь... как ни старайся... Когда только мы научимся спокойно относиться к Смерти?.. Ведь, в конечном итоге каждому своё, и больше

предназначенного... нет, не пробежишь. Понять бы это всем и может, было бы в мире чуть меньше трагедий...

Я подумал о Ней... Я любил Её... и сквозь призму этой любви рассуждения мои показались жестокими. Вдруг поразительно стройная и чёткая мысль блеснула в голове, словно, кто-то долго работал над ней и выдал мне её в окончательном виде – а ведь, будь Она сейчас рядом, я от счастья творил бы более оптимистическую философию!!! Ни минуты не сомневаясь, бросился бы доставать лекарства, перевернул бы всё верх дном, поехал бы куда угодно, но привёз бы старику нужные лекарства, достал бы, хоть, из-под земли!!! Кто сказал, что невозможно?! Для меня возможно всё!!! Другое дело – хочу ли я этого? А я бы этого захотел... будь Она рядом... будь я счастлив... И восклицал бы тогда совсем другое: «Пусть живёт! Пусть живёт старик, раз уж так нравится ему жизнь!... Да и как она может не нравиться – жизнь-то!!! Ведь она прекрасна!!! И если есть возможность её продлить - пусть только на день или два - это надо непременно сделать!» Но Её нет рядом... нет счастья... но есть несчастная любовь... и крылья коротки у такой любви... слишком коротки... для такого великодушного полёта... Если бы, Она была рядом... Если бы, любовь моя была взаимна... Какой гигантской силой обладала бы она!!! Вон оно как... вон где таится Сила Божья... во взаимной настоящей любви... Что же делает эта любовь? Неужели она качественно меняет человека? Переполняя его счастьем и радостью, воздействует на способ его мышления... наполняя человеческое нутро светом и не оставляя никакой возможности излучать зло... Пессимизм, безразличие, нежелание помочь другому мгновенно улетучиваются, исчезают... будто и не было их вовсе... И только любовь излучается изнутри... только любовь... Да... легко быть хорошим, когда человек любит, когда он счастлив в любви, когда он рядом с любимой, присутствие которой не заставляет страдать и выворачивать душу наизнанку... Любовь... Я понял, что такое любовь!.. Понял! Ей Богу, понял! Это качественное изменение внутренней структуры человека... оздоровление его души... да, да, оздоровление... Но, чтобы произошло это качественное изменение, в человеке должен присутствовать объект любви и только тогда, когда есть это присутствие, и начинает происходить с человеком невероятное... Он перерастает самого себя... Неужели смысл человеческой жизни заключается в том, чтобы, переполнив себя любовью, излучать эту любовь во внешний мир? Неужели именно в этом таится

разгадка человеческого бытия?! «Вот к какому я выводу пришёл... Ведь действительно, достаточно представить мне, что Она со мной, в моей квартире, Она – та, которую я люблю, – я меняюсь, мгновенно становлюсь другим, и тогда не трудно быть хорошим – это становится естественным состоянием души. И я могу ринуться сломя голову хоть на край света, лишь бы спасти незнакомого мне старика, и не требует это от меня никаких усилий, внутренней сложной перестройки самого себя, неприятного и трудного переворачивания собственного нутра наизнанку. Чуткость, доброта и самопожертвование становятся естественным состоянием души. Разве это и не есть – перерастание самого себя, разрушение старого эгоистического начала»?.. Телефонный звонок прервал мои размышления. Я пожалел, что не оставил Ей свой номер телефона. Ведь, позвонила бы Она мне, непременно бы позвонила... Я дёрнулся... Мне стало неприятно... Откуда-то выползла ничтожная самоуверенность и, как пиявка присосалась ко мне...

- Слушаю, - тихо произнёс я, - да... да... хорошо... очень хорошо... Ну прекрасно! Жду!

Мне показалось, будто, кто-то отпустил мои грехи и услышав мой монолог, решил прийти на помощь... Я быстро набрал номер соседки старика.

- Извините за поздний звонок – я по поводу лекарств...

- Спасибо, молодой человек, - голос её дрожал, как я понял, сквозь слёзы. - Думаю, лекарства уже не понадобятся... хотя, нельзя терять надежды... Это так жестоко..

- Ему стало хуже? - испуганно произнёс я.

- Не спрашивайте ни о чём, прошу вас...

- Извините, просто мне хотелось обрадовать вас. Лекарства утром будут у меня... Я их сразу же завезу в больницу... как только получу... вы не беспокойтесь... не переживайте... надейтесь на лучшее...

Я попрощался с ней, и тут же завалился в постель, однако, уснуть никак не удавалось... События, связанные со стариком, оказали на меня сильное и странное воздействие: он, то представлялся мне спасательным кругом в хаосе внутренних противоречий, то ассоциировался с дамокловым мечом, нависшим над моей головой и не дающим покоя; он, то притягивал, то отталкивал меня, то казался источником излишних неприятностей, то просто благом, хотя, я никак не мог понять откуда исходит эта

уверенность, что он – старик – благо, неперемное благо для меня... Мне бы заснуть... Отключиться... Хорошо, что старик появился в моей жизни... и, именно, сегодня... он оказался своеобразным громоотводом... а то сейчас наступила бы настоящая катастрофа... Старая боль с новой остротой дала о себе знать... она старалась наверстать упущенное... любовь моя тихо и незаметно переходила в хроническую стадию своего существования... Я уткнулся в подушку и постарался заснуть с мыслью о Ней... любя Её... Вдруг мне стало хорошо, откуда-то появился покой и внутреннее умиротворение... Уставший и изнурённый, я упивался обманчивым затишьем... перед бурей... перед страшной, неминуемой бурей... Я помню тот покой... я помню то затишье...

Уснул я облегчённый и довольный тем, что уже рано утром лекарства будут у меня и я смогу помочь старику. «Лучше поздно, чем никогда, – была последняя мысль, озарившая меня той ночью и как отголоски эха всё повторялось и повторялось в голове, – никогда, никогда, никогда...»

Утро встретило меня паршивой погодой и давящим нехорошим предчувствием. Так и не побрившись, с многодневной щетиной, я выскочил из дому и, поймав такси, за каких-то четверть часа доехал до больницы. Поднявшись на нужный этаж, куда часто навещался к своему другу-врачу, я узнал у медсестры номер палаты старика. Сломая голову помчался по длинному серому коридору, которому, как тогда мне казалось, никогда не будет конца. Жизнь старика приобретала для меня всё большую и большую значимость. Я хотел его спасти. Несколько часов борьбы с самим собой, казалось, сделали его частичкой меня самого, и мысль, что я могу не успеть, причинила мне страшную боль. Я мчался, как угорелый. Теперь я дорожил каждой секундой... Я так надеялся горсткой лекарств откупить свою вину перед стариком... я был виноват перед ним, несомненно был виноват...

- Ну как он? - с надеждой в голосе спросил я, врываясь в палату.

- Да никак, уже никак... всё, старый, опоздал...

- Как же так? Не может быть... Я ведь, был уверен, что...

- В том-то вся наша беда, - прервав меня, сдавленным голосом произнёс врач, - что мы всегда и во всём бываем уверены... Он тоже был уверен, что не умрёт, потому что умирать ему нельзя, и Господь Бог не допустит смерти. «Я должен жить!» - повторял всё время. Плакал и повторял, что не имеет права умирать...

- Так сильно любил жизнь?

- Вот именно!

- А кем он был?

- В последнее время подрабатывал ночным сторожем, пенсии ему не хватало...

- Что, большая семья?

- Я бы не сказал: тысяча болячек, полнейшее одиночество...

- Но, ведь, звонила мне женщина лет пятидесяти – пятидесяти пяти...

Просила, умоляла...

- Да-да, знаю – это его соседка. Звонит каждый день, интересуется, переживает. По всей видимости, единственный близкий старику человек. Уже две недели, как он у нас, а больше никто его не посетил, никто не интересовался.

- А она... соседка?.. Навещала его?

- Тоже нет. Наверное, здоровье не позволило...

- Интересно, что же его тогда так к жизни привязывало? Не спрашивал его? Не интересовался?

- Нет... Он, ведь, не в дом отдыха приехал, где мог бы воспоминаниям предаваться. Малейший стресс, и всё – крышка. Тут не то что лишние вопросы, вообще, боялись о чём-либо говорить с ним, чтобы не спровоцировать ненужные воспоминания, или что-то в этом роде... Сам понимаешь...

- А у него самого не было желания рассказать? Обычно, старики любят предаваться воспоминаниям...

- Нет, он был на редкость молчалив. Единственное, что можно было от него услышать, это, когда состояние его ухудшалось, он только и повторял: «Господь не допустит. Господь спасёт». У меня создалось впечатление, что он чего-то не успел сделать, какое-то дело не довёл до конца. А на рассвете, с ним, словно, что-то произошло. Я вышел от него минут на пять, а когда вернулся, не поверил своим глазам: не узнал его, можно было подумать, подменили старика. Он был бодр, в хорошем настроении, глаза оживились, увидев меня, даже, улыбнулся. Иногда, перед смертью такое случается. Попросил у меня ручку, лист бумаги и начал что-то писать. Писал долго, время от времени отрываясь от письма и о чём-то задумываясь. Закончив писать, улыбнулся и бодрым голосом произнёс: «Вот и Слава Богу! Теперь могу спокойно умереть». Потом закрыл глаза.

Мне казалось, это еще не конец, просто, заснул. Лицо было спокойное... безмятежное... Даже, где-то в душе появилась надежда, что, может, ошибаюсь я, и он пойдёт на поправку. Иногда, и такое случается. А у меня, понимаешь, впереди рабочий день, глаза сами собой закрывались... Буквально перед твоим приходом разбудили... Пока я отсутствовал, медсестра здесь дежурила... Она не сразу поняла, что к чему... настолько спокойно он ушёл... царство ему небесное...

Тело покойного было закрыто простыней, поэтому для меня он оставался таким, каким рисовало моё воображение. Я был в полнейшей растерянности, не хотелось ни о чём думать, произошло самое страшное – умер человек – и сейчас не до мыслей, не до философии... всё чушь по сравнению с человеческой жизнью, всё чушь... как же так? Как же... и уже ничего, не изменишь... ничего... а может они ошиблись?.. Может он ещё жив?.. мало ли что... молоденькая медсестра... много она смыслит в этом... а они поверили ей... надо самому проверить... в таких вопросах никому нельзя доверять... никому... и не потому что не веришь... а потому, что каждый в жизни может ошибиться... все мы на ошибках учимся... только дураку кажется, что он умнее всех и никогда не ошибается... Я бросил взгляд на безжизненную простыню – она стала моим врагом, своей недвижимостью подтверждая смерть старика... Что могло произойти сегодня утром?.. Почему он, твердивший, что не имеет права умирать, вдруг согласился на смерть?.. Что могло произойти с ним на рассвете?.. И почему он не хотел умирать? Может, дела тёмные?.. Может, мучило его что-то?..

Я старался найти объяснение, придумать причину, вообразить страшные кровавые интриги, в которых он явился случайной и непредвиденной жертвой... Но что-то не получалось, что-то мешало, нечто, чего я боялся сам! А боялся я правды! И сопротивлялся ей, как мог... Но она, эта правда, словно гвоздями вбивала в голову, что я... я виноват... я не захотел... я не успел... И никакого оправдания на настроение, плохое самочувствие, помешавшее исполнить долг, ни, даже на то, что не от моих рук он испустил дух. Посмотрим правде в глаза... Он умер потому, что я вчера не захотел ему помочь... А ведь мог... Да, да мог... Я опустил руку в карман куртки и дрожащие пальцы начали ощупывать то, что ещё вчера могло спасти больного старика... Врач вышел из палаты... Мне стало страшно... Я понял, почему он это сделал... решил, что я сам должен

разобраться в себе... за меня это никто не сделает... страшно быть с самим собой, если совесть нечиста... а я не захотел ему вчера помочь... не захотел... почему? Ведь мог! Не глупо ли оправдываться перед самим собой?! Вот она, эта горстка лекарств – в коробочках и ампулках!.. Вот они все!!! В одной руке помещаются... ещё вчера могли предотвратить его уход... спасти от смерти... а сегодня... как это ужасно... что мне стоило поехать... если бы я мог отказаться от свидания... да... ну нет, нет... глупости всё это... Где гарантия – откажись я от свидания - что лекарства бы помогли. Но ведь, откажись я от свидания... Мне-то известно было, что самолёт на борту которого был и мой груз, приземлился в аэропорту в десять минут седьмого... Я поставил на весы свидание с Ней и возможность спасти старика... Я ведь знал, догадывался, что там были необходимые лекарства... я сам их заказывал... сам... сам... какой ужас... сам подписал смертельный приговор... вчера я думал только о себе... меня занимал только мой душевный дискомфорт... я предпочёл возможность встречи – возможности спасти человеческую жизнь... Встреча не состоялась... старик умер...

Я стоял посреди комнаты, боясь сделать, хоть, какое-нибудь движение. Нет, скорее всего, я не боялся – не мог. Взгляд мой, бессмысленно скользивший по стене, переместился на тумбочку – маленькую, невзрачную и без правой передней ножки. На ней лежало блюдце, стакан с водой и конверт – старый и помятый. Я обрадовался своей находке, потому что мог подойти к тумбочке, взять конверт... Главное, что-то делать, а дальше всё пойдёт... всё пойдёт... Вдруг дверь отворилась, и я услышал знакомый голос: «Звонила соседка старика... она уже всё знает...»

- А если бы я приехал вчера, - я с боязнью посмотрел на друга и, опустив глаза, добавил, - с лекарствами...

- Ничего не могу сказать... - он помялся, - в его возрасте выдержать операцию...

- Не темни, прошу тебя. Как бы всё сложилось, привези я лекарства вчера?

- Мне действительно трудно ответить на этот вопрос... Возраст, да ещё, тысяча болячек в придачу...

- Ты бы мог его спасти?

- Он мог бы умереть на операционном столе...

- А ты бы рискнул сделать операцию?

- Да!

- А если бы он умер во время или после операции, тогда... его смерть была бы на твоей совести?

- Нет!

- Почему?

- Потому что я старался его спасти, хотя, и понимал, что шансы ничтожны...

- Получается, что я лишил тебя этой ничтожной возможности спасти старого человека?

- Думаю, да... Извини, старик, у меня дел невпроворот. Как бы банально это не прозвучало, со смертью жизнь на заканчивается...

- Это, в каком смысле? - не понял я своего друга.

- В самом прямом...

Он вышел из палаты, и я вновь остался один на один со стариком. Странное чувство вдруг овладело мною, будто я приехал сюда вовсе не случайно, и что должен был приехать не вчера, а именно, сегодня, когда он рассчитался с жизнью, ушёл, даже, если в этом и моя вина – неважно, неважно это – важно другое, то, что я не мог не быть сейчас здесь... Бедный старик... бедный старик... Чёрт бы их побрал, эти лекарства, ведь, если бы я приехал вчера... меня бы сегодня здесь не было... и некому было бы его похоронить... Соседка?! Да что могла бы сделать эта женщина, если не была в состоянии навестить старика в больнице? Наверное, такая же беспомощная, как и он сам... Да... утряси я вопросы вчера – некому... некому было бы хоронить его... Но вчера я мог спасти его... Мне стало не по себе... Я знал, как хоронят у нас старых, одиноких, брошенных людей... Сердце вдруг заныло... чувство безграничного сострадания и боли овладело мною... Я готов был отдать ему всё, что имею, лишь бы не страдать и не ощущать боли... и успокоиться...

Я прихватил мятый конверт, вышел из палаты и, воспользовавшись больничным телефоном, несколькими звонками решил вопросы, связанные с предстоящими похоронами старика. Однако, мне предстоял ещё один звонок - соседка! Захочет ли она меня выслушать? Разбитая горем, сможет ли простить? Я набрался смелости и позвонил ей. Она позволила мне приехать и, заодно, обещала рассказать историю старика.

- Четвёртый этаж, четырнадцатая квартира, - повторила она почему-то дважды и, немного помолчав, добавила, - это рядом с квартирой старика.

- Значит у него тринадцатая? - Так, между прочим, спросил я.

- Нет, пятнадцатая, - ответила женщина.

Через двадцать минут после разговора я был у дома старика и, зайдя в подъезд, стал быстро подниматься по лестнице. Маленькие оконца в пролётах между этажами почему-то были заколочены досками, которые успели изрядно отсыреть за последнюю дождливую неделю и даже кое-где покрыться плесенью. Воздух в подъезде стоял тяжёлый, терпкий и слегка отдавал сырой вонью. Оконце в пролёте между третьим и четвёртым этажами было прикрыто цельным куском дырявого картона, через который пробивались тоненькие нити струящегося света, освещавшие этот мрачный и убогий коридор.

Я поднялся по ступенькам, и оказался на лестничной площадке, по обе стороны которой располагалось по две двери. На первой двери с левой стороны виднелась цифра пятнадцать. Она была выведена простыми школьными чернилами, однако моё внимание не столько привлекла цифра, сколько сама дверь – старая, ветхая и, я бы сказал, дряхлая. Впечатление было более, чем удручающее: две дырки, по всей видимости, от старых замков, были замазаны чем попало, третья, как и окно на лестничной клетке, забита куском крашеного картона. Посередке давшая трещину дверь была также частично замазана, а частично покрыта давно уже пришедшей в негодность изоляционной лентой, отлепившиеся концы которой в свою очередь вновь залеплены, но на этот раз уже успевшим почернеть от пыли и грязи лейкопластырем. Я смотрел на дверь, не находя в этом никакой логики, кроме одной – логики стабильной нищеты, преданной и ни разу не изменившей тому, кому она принадлежала. Нетрудно было догадаться, что в этом доме к ней уже привыкли, смирились с нею и на неё не обижаются. Поразительное ощущение овладело мною – хотя, я никогда не видел старика, но показалось мне, что дверь похожа на него; эта старая уставшая деревянная махина, словно, стонала, словно, просила избавить её от чего-то, словно, болело у неё сердце... Она была, как живая и, предчувствуя смерть хозяина, открыто страдала, не скрывая ни от кого своего горя. Я не мог понять, что со мной происходит. Казалось, ещё немного, и я буду задавать ей вопросы, в ответ

улавливать её мысли. Повернув голову вправо, я стал внимательно изучать соседнюю дверь, потом двери напротив... все двери, как двери, как моя, или у тех, что живут напротив меня... Дверь же старика другая... – сгорбленная, сморщенная и страдающая... «Неужели ты что-то чувствуешь, кусок старого дерева? Неужели умеешь страдать? Или я, потрясённый смертью старика, вижу то, что тебе не присуще?..» Мой взор был прикован к двери... Я не мог отойти... Казалось, что-то держит меня и просит ещё остаться. Я сделал над собой усилие, и хотел было отойти, как вдруг мне показалось, что за этой полуразрушенной дверью слышались странные шорохи. Прислушавшись, я услышал звуки, напоминающие езду на детском велосипеде. Причём звуки эти, то сменялись шорохом, то вновь возобновлялись, то превращались в скрипы, то вновь затихали. Я находился в полнейшем недоумении: неужели даже на такую нищету мог кто-то позариться, и, пронюхав, что хозяина долго нет, решил, всё же, прикарманить, по всей видимости, убогое имущество, оставшееся после старика? «Ну что же», - воскликнул я в сердцах и нажал, что есть мочи четыре раза на звонок. Прислушался... Я был уверен, что шорохи должны сиюминутно прекратиться и смениться тревожной мучительной тишиной. Однако, как ни странно, звуки возобновились, кто-то вновь катался на велосипеде, причём звуки колёс становились всё ближе и ближе, пока, не приблизились настолько, что я понял – кто-то собирается открыть мне дверь.

- Не может быть! Неужели вернулся? Господи! Какая радость! Твой звонок! Его не спутать! Как же я люблю, когда ты звонишь! Сейчас, погоди... уже открываю... Я знала, что ты вернёшься... Ты не мог не вернуться... Я так тебя ждала...

Было слышно, как что-то щёлкнуло в замочной скважине, и кто-то с осторожностью приоткрыл дверь...

- Но где твои ключи? Почему ты сам не открыл дверь? Что случилось? Почему молчишь? Почему не целуешь меня? Что с тобой? Это ты? Ты здоров? Скажи мне, не молчи, пожалуйста... Я так долго тебя жду... две недели... целые две недели... Подойди... пожалуйста... даже, если ты болен... Ты же знаешь, как я тебя люблю...

Её протянутые ко мне руки дрожали... Я остолбенел... Даже сейчас, по прошествии времени, я не в состоянии описать то безумное потрясение, тот невообразимый шок, который пришлось мне пережить, когда

приоткрывшаяся дверь дала возможность увидеть существо, душещипательную речь которой я услышал. Мне явилась картина, которую невозможно принять ни умом, ни сердцем. В своей противоестественности и невообразимости она не поддавалась никаким канонам логики, она была бредовая, она была абсурдна, но, между тем, реальна, причём, жестоко реальна, недопустимо реальна... Я смотрел и не верил своим глазам... Я стоял на пороге, отделяющем меня от страшной нищеты, и не мог понять, что происходит... Не бред ли это?.. Не сон ли спутался с явью? Ведь, так не бывает!.. Так ни в коем случае не должно быть!.. Передо мной в огромной инвалидной коляске сидела Та, которую вот уже две недели я тщетно пытался найти! Я стоял как вкопанный, не в состоянии выдать ни единого слова. Я был подавлен, я был парализован... Бесчеловечность происходящего оглушила меня... Я был слаб и растерян... «Не ходит, - глупо блеснуло в голове, - передвигается на колёсах, впрочем, какое это имеет значение? Это ничего не меняет, не играет никакой роли, что за мысли лезут мне в голову, как, вообще, я мог подумать об этом?!» И вдруг стыд за сказанное в тот первый день нашей встречи стал тихо подкрадываться ко мне...

- Что с тобой? Где ты? - Вновь услышал я, - подойди, прошу, не болен ли ты ещё?

Она подъехала, насколько это было возможно, к порогу и вновь протянула ко мне свои худенькие и посиневшие, то ли, от холода, то ли, от недоедания, почти детские ручонки. Её глаза, словно смотрящие сквозь меня, беспокойно выискивали кого-то в глубине. Но вот рука Её, еле коснувшись моей одежды, мгновенно отпрянула назад. Она затряслась и почти шёпотом вымолвила.

- Кто вы? Вы не он! Откуда вы знаете, как он звонит? Что вам надо!

Её глаза взволнованно забегали, в надежде увидеть того, кого Она ждала. Я ничего не понимал и не был в состоянии вымолвить, хоть, слово. Её действия казались мне абсурдными и столь же неправдоподобными, как и вся эта история. Но когда Она, вновь протянув ко мне свои бескровные руки, попыталась выискать ещё кого-то в этом тёмном, неуютном коридоре, я всё понял!!! Всё понял!!! До меня, грешного, до меня, непонятливого, наконец-то, дошло!!! Я понял, что кроется за этим беспокойным выискиванием в пустоте, за этой беспомощностью и беззащитностью. «Она не видит... Боже Правый... Ничего не видит... О н а

ж е с л е п а...» - Я закрыл глаза. - Ослепнуть... ослепнуть самому, ничего не видеть... и не слышать... не слышать Её... не слышать... Что-то сдавливало горло, сердце колело и мешало дышать... Я с невыразимой ясностью вспомнил тот жуткий диалог... страшный и чудовищный... Вспомнил слово в слово... Вспомнил и словно обезумел: «Кто ты? - Человек. - А у тебя мужчины были в жизни? А ты девица или... А ты хочешь стать женщиной? - Я ею родилась. - Дотрагивался ли до тебя мужчина? - А что это меняет? - Я хочу знать, было ли тебе по-настоящему хорошо? - Мне сейчас по-настоящему хорошо. - Ты не хочешь посмотреть на меня? - Это ничего не изменит. - Может, я не в твоём вкусе? - Я не испытываю гастрономического подхода к людям. - А какой подход ты испытываешь? - Человеческий. - Странная ты какая-то. - Не думаю, я обыкновенная.

- Ты когда-нибудь смотрела на себя в зеркало? - Почему ты спрашиваешь? - Да потому что ты похожа на чучело гороховое! - Значит, ты меня обманул? - Надо было скоротать время. - А ты знаешь, что значит скоротать? - Скоротать - это и есть скоротать, безо всяких философских подтекстов. - Скоротать - означает наполнить чем-то пустоту... Но я же не пуста... - Смотри... вон... видишь... там... у перекрёстка... - Ну... - Вон та, в жёлтом платье... видишь?... Вон она... переходит улицу! Ты посмотри, какая она чудесная! Ты только посмотри... Ты видишь... скажи мне... видишь... какая она? - Ну... - Что ну? Сколько можно нукать? Ты лучше посмотри на неё внимательней: какие ножки, какая грудь, представляю, какая она в постели! Так вот, знай - это она наполнит сегодня мою пустоту... - Ты уходишь? - Да! - Значит, ты обманул меня... - Дура ты деревенская... - Я не обижаюсь. - Почему... я же оскорбил тебя... - Ты оскорбил себя... Слушай... а почему ты вся такая серая?! И что за барахло на тебе висит?!

- У тебя что, глаз нет?.. Г л а з н е т ? Г л а з... н е т ? Не видишь, в каком виде выходишь из дому? И что же? Надеешься своим жалким видом понравиться кому-нибудь?.. Только вот что я тебе скажу... не обессудь... не удалась ты, к сожалению, не удалась!.. И больше смахиваешь на сорняк, на ненужный сорняк... Да, можешь ты, хоть, сейчас повернуться ко мне?! Что ты нос от меня воротишь?.. Вон та, которая ждёт меня... ты смотри... смотри на неё, это тебе только на пользу пойдёт... смотри, как она прекрасна! Как чудесно сложена! Как со вкусом одета! Видишь, да? Видишь? Видишь? Видишь? Может, тебе зеркало подарить? Хотя, что это изменит... Посмотри внимательней вокруг себя! Видишь, как много зелени кругом, цветов, хотя

и, увядающих, как много жизни вокруг и этой твоей любви, которую я никак не признаю. Ты пойми, любовь, если она действительно существует, где-то рядом с красотой и, чтобы зажечь её в ком-то, надо быть, если не красивой, то, хотя бы, привлекательной. А ты... А ты... А ты... Бедняжка... У тебя даже нет чувства собственного достоинства... Я тебя унижал, как мог, оскорблял, издевался над тобой, а ты продолжаешь на что-то надеяться... Только как ты можешь на что-то рассчитывать? Неужели действительно веришь в то, что когда-нибудь появится тот, кто создан для тебя, и влюбится слепо? В тебя! Вот в такую?!. Может, поэтому считаешь излишним следить за собой?.. Как ты одета? Что за старческий узел на голове? Ведь ты не старуха, а вся скрючилась, и высохла уже... Тело твоё жаждет... неудовлетворённые желания пожирают тебя... наложила на себя руки... смирилась со своей участью... дряхлеешь и высыхаешь... пугая собой окружающих... Не думай, что я жесток... Для твоего же блага говорю... Не можешь ты нравиться... не можешь... не можешь... меня даже претит от тебя... претит от тебя... претит от тебя... Скорее на эшафот пойду, чем соглашусь представить тебя в своих объятиях... Нет, ты не женщина... нет... нет... нет... я не знаю, кто ты... но женщиной называться ты не имеешь права - это оскорбительно... оскорбительно... оскорбительно... к прекрасной половине человечества... пойми, это правда... хоть и жестокая... но я человек слова... и раз уж обещал, дам тебе возможность околдовать себя... околдовать себя... околдовать себя... хотя, гиблое это дело... но уже обещал... уже обещал... уже обещал... Если пофантазировать и представить, что это тебе удастся... даже смешно... даже смешно... тогда ты станешь женщиной... счастливой женщиной... счастливой женщиной... я тебя одарю собой... собой... собой... и ты поймёшь... женщинами не рождаются... ими становятся... становятся... становятся... только тогда, когда рядом мужчина... мужчина... а любовь... а любовь... а любовь... ладно... ладно... ладно... мне пора... пора... пора... придумай, как соблазнить меня... меня... меня... чтобы потянуло к тебе... к тебе... к тебе... чтобы я захотел тебя... тебя... тебя...

Продолжение драмы вы можете приобрести в интернет-магазине [PARROSLAB](#).

Анна Авети

Прозрение

Демо-версия психологической драмы

Размер 916 Kb, 49 стр.

Второе издание:760AC5G753FB-demo-pdf

Parroslab Group © 2023

All Rights Reserved